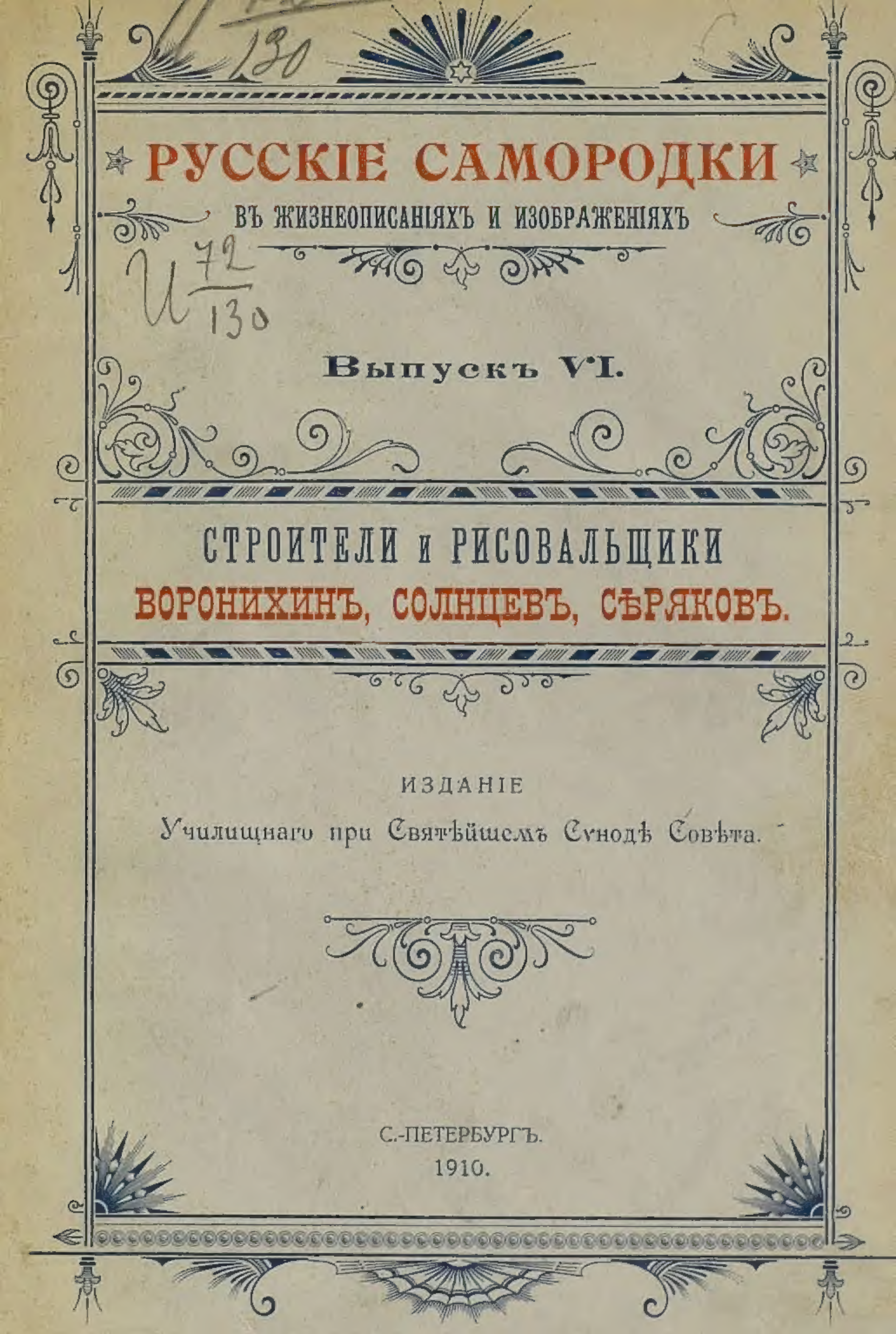
русские
самородки
6

РУССКІЕ САМОРОДКИ

ВЪ ЖИЗНЕОПИСАНІЯХЪ И ИЗОБРАЖЕНІЯХЪ

Выпускъ VI.

СТРОИТЕЛИ и РИСОВАЛЬЩИКИ
ВОРОНИХИНЪ, СОЛНЦЕВЪ, СѢРЯКОВЪ.

ИЗДАНІЕ
Училищнаго при Святѣйшемъ Сѵнодѣ Совѣта.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1910.

РУССКІЕ САМОРОДКИ

ВЪ ЖИЗНЕОПИСАНІЯХЪ И ИЗОБРАЖЕНІЯХЪ.

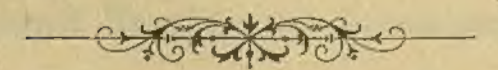
Выпускъ VI.

СТРОИТЕЛИ и РИСОВАЛЬЩИКИ

ВОРОНИХИНЪ, СОЛНЦЕВЪ, СѢРЯКОВЪ.

ИЗДАНІЕ

Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Сунодѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Сунодальная типографія.
1910.

Андрей Никифоровичъ Воронихинъ,

строитель Казанскаго собора въ С.-Петербургѣ (1759—1814).

«Сооруженіе Казанскаго собора—важнѣйшая постройка въ царствованіе Императора Александра . Коринѳскій стиль *), легшій въ основу этого громаднаго храма, съ легкой руки русскаго самородка Воронихина, быстро привился въ Россіи, изъ приневской столицы перейдя въ Москву, а затѣмъ во многіе города имперіи. Сооруженія въ коринѳскомъ стилѣ остались и до сихъ поръ остаются въ нашемъ зодчествѣ **) яркими образцами одной изъ прекраснѣйшихъ попытокъ молодого русскаго строительнаго искусства, только что становившагося на свои неокрѣпшія еще ноги и дѣлавшаго первые неопытные и неустойчивые шаги по пути къ проявленію самостоятельности въ области, унаслѣдованной отъ цѣлаго ряда вѣковъ»...

Изъ одного жизнеописанія А. Н. Воронихина.

Лучшими по красотѣ и наиболѣе величественными зданіями въ каждомъ городѣ и въ каждомъ селѣ являются, конечно, храмы Божіи. И это понятно, потому что народъ русскій никогда не жалѣетъ денегъ на постройку того Божьяго Дома, гдѣ есть мѣсто и богатому и бѣдному, знатному и незнатному, гдѣ мы получаемъ святое креще-

---

*) «Стиль»—особый характеръ, вкусъ или образецъ художественнаго произведенія, то же самое, что «пошибъ». Существуетъ много стилей, напр. древне-русскій, византійскій, арабскій, китайскій и т. д. Коринѳскимъ онъ называется потому, что возникъ въ древнемъ греческомъ городѣ Коринѳѣ. Изъ всѣхъ стилей, извѣстныхъ въ греческомъ зодчествѣ, коринѳскій былъ самымъ красивымъ; особенно красивы затѣйливыя верхушки столбовъ-колоннъ, что видно на рисункѣ, помѣщенномъ на стр. 11-ой.

**) Зодчество (то же, что архитектура)—искусство сооружать зданія.

ніе, гдѣ за насъ приносится безкровная Жертва предъ престоломъ Всевышняго, гдѣ мы сами молимся, и куда понесутъ насъ для послѣдняго отпѣванія, когда окончится наша земная жизнь.

Много прекрасныхъ храмовъ разсѣяно по лицу земли Русской, и лучшіе изъ нихъ находятся въ большихъ городахъ, въ столицахъ.

Въ Петербургѣ, на главной улицѣ столицы, на Невскомъ проспектѣ, возвышается красивый Казанскій соборъ, донынѣ служащій памятникомъ Отечественной войны. И построенъ былъ Казанскій соборъ не иностранцами, какъ большинство нашихъ церковныхъ и свѣтскихъ зданій въ былыя времена, а русскимъ зодчимъ, крестьяниномъ по происхожденію, Андреемъ Никифоровичемъ Воронихинымъ. Такимъ образомъ, хотя Казанскій соборъ и былъ построенъ ранѣе 1812 года, но послужилъ впослѣдствіи превосходнымъ памятникомъ великаго событія—избавленія Россіи и ея сердца, Москвы, отъ нашествія французовъ въ 1812 году. И надъ этимъ прекраснымъ сооруженіемъ потрудился зодчій, вышедшій изъ среды простого народа русскаго, изъ среды того народа, который, какъ одинъ человѣкъ, ополчился въ томъ памятномъ году на врага—и изгналъ его изъ предѣловъ Отечества. Это не простая случайность, и именемъ Воронихина мы должны гордиться.

Вѣдь и теперь еще не отошли въ область далекаго прошлаго тѣ времена, когда иностранцы

пользовались у насъ необыкновеннымъ почетомъ. Особенно это относится къ XVIII столѣтію, ко временамъ Петра Великаго и слѣдующихъ царствованій. Иностранные по происхожденію, а иногда и по духу, ученые, художники, полководцы, вельможи и т. п. дѣятели служили живымъ укоромъ русскому народу, который какъ будто не имѣлъ собственныхъ даровитыхъ и знающихъ людей, а принужденъ былъ призывать ихъ «изъ-за границы», подобно тому, какъ болѣе 1000 лѣтъ тому назадъ новгородцы изъ-за моря призвали къ себѣ въ управители варяговъ—первыхъ князей русскихъ, Рюрика, Синеуса и Трувора. Тѣмъ пріятнѣе находить въ спискѣ выдающихся людей XVIII вѣка чисто-русскія имена, а въ особенности имена тѣхъ русскихъ знаменитостей, которыя выбились изъ простого званія. Мы знаемъ, напримѣръ, что древнѣйшіе наши храмы въ Кіевѣ, Новгородѣ, Владимірѣ и другихъ большихъ городахъ древней Руси были выстроены греческими зодчими. Въ XV вѣкѣ въ Москву пріѣзжаютъ итальянскіе мастера и воздвигаютъ нѣсколько прекрасныхъ соборовъ, какъ, напримѣръ, Успенскій, Благовѣщенскій, Архангельскій, а также Грановитую Палату. Въ XVIII вѣкѣ и въ налачѣ XIX-го въ Россіи появляется много французскихъ и итальянскихъ строителей, которымъ принадлежитъ большинство лучшихъ построекъ.

И вотъ, въ серединѣ XVIII вѣка, т. е. въ то время, когда менѣе всего можно было ожидать

въ небольшомъ селѣ Пермской губерніи, въ крестьянской семьѣ родился мальчикъ, который впослѣдствіи сдѣлался выдающимся русскимъ зодчимъ, построившимъ, какъ мы уже знаемъ, Казанскій соборъ въ Петербургѣ.

У графа А. С. Строганова, человѣка богатаго и просвѣщеннаго, ректора Академіи Художествъ въ Петербургѣ, было нѣсколько имѣній въ разныхъ губерніяхъ. Среди имѣній, принадлежавшихъ ему въ Пермской губерніи, было село Новое Усолье. Находится оно въ Соликамскомъ уѣздѣ. Здѣсь, въ семьѣ крѣпостного человѣка Никифора Воронихина, 17 октября 1759 года родился сынъ. Назвали его Андреемъ. Мальчикъ до семи лѣтъ росъ, какъ обыкновенно растутъ деревенскія дѣти. Очень возможно, что изъ мальчика не вышло бы такого знаменитаго человѣка, какимъ сталъ впослѣдствіи строитель Казанскаго собора, если бы старшіе не обратили вниманія на «шалости» своего Андрюши. А «шалости» семилѣтняго мальчика состояли единственно въ томъ, что онъ замѣтно отставалъ отъ забавъ своихъ сверстниковъ, уходилъ куда-нибудь на задворки и здѣсь занимался «живописью». Конечно, какая могла быть живопись у деревенскаго мальчика? У мальчика городского, изъ какой бѣдной семьи ни былъ бы онъ, все таки скорѣе найдутся принадлежности къ рисованію, чѣмъ у деревенскаго. Огрызокъ карандаша да клочокъ бумаги не рѣдкость—въ городѣ. Но въ деревнѣ, гдѣ въ то время—полтораста

лѣтъ тому назадъ—и грамотныхъ десятокъ едва ли набрался бы, бумага и карандашъ были въ диковину. О краскахъ и говорить нечего.

«Голь на выдумки хитра»,—говоритъ русская пословица. И вотъ, Андрюша, не зная, быть можетъ, этой пословицы, всегда умѣлъ придумывать себѣ матеріалъ для рисованія. Въ самомъ дѣлѣ: много ли надо смышленому ребенку, который рвется къ чему-нибудь и непремѣнно хочетъ осуществить на дѣлѣ свое желаніе?—Сравнялъ палочкой или ногами песчаную поверхность во дворѣ или на улицѣ, да и давай наводить по песку все, что вздумается. Нарисуетъ онъ мужика, лошадь, корову, собаку, избу, хлѣвъ—цѣлое хозяйство! Все, что видитъ маленькій художникъ, все изображаетъ онъ на пескѣ не хитрымъ инструментомъ, а палочкой или просто пальцемъ. Не понравится рисунокъ,—снова сравняетъ онъ песчаную поверхность и снова начнетъ на ней выводить острой палочкой.

Ну, песокъ—еще не бѣда: убыли въ домѣ отъ этого никакой. А то въ дождливую пору или зимой Андрюша найдетъ гдѣ-нибудь доску, приготовленную отцомъ для какого-нибудь дѣла, возьметъ уголекъ изъ печки,—и черезъ нѣсколько минутъ вся доска «раскрашена». Вотъ и начинаютъ старшіе бранить его за баловство. А разрисуетъ онъ столъ, лавку или еще что-нибудь въ избѣ,—ужъ мать не усидитъ на мѣстѣ, станетъ бранить сына, а то и накажетъ его. Скучно сидѣть ребенку безъ занятія!

— У.... баловень!—ворчитъ на Андрюшу бабушка.—Все полотенце чернымъ углемъ выпачкалъ. А стирать то, небось, мнѣ одной придется?

— Что же дѣлать мнѣ, бабинька?—спрашиваетъ мальчикъ.—Всѣмъ я мѣшаю, всѣ меня гонятъ, ничего не даютъ....

— А ты одѣлъ бы валенки, да вышелъ бы на улицу порѣзвиться! Вишь, ребята какъ по снѣгу бѣгаютъ, на салазкахъ съ горы катаются?

— Нѣтъ, бабинька, скучно мнѣ съ ними. Ужъ ты дай мнѣ какую дощечку порисовать. До вечера я больше не стану приставать къ тебѣ. Все буду сидѣть смирнехонько на лавочкѣ. Дай, бабинька!

Сердце у старухи доброе, отходчивое. Въ самомъ дѣлѣ: чудакъ ея внучекъ. На другихъ ребятъ не похожъ. Ихъ шалости Андрюшу не занимаютъ. Разжалобитъ внучекъ бабушку своими просьбами, и отыщетъ она ему дощечку, какой нибудь обрубокъ или кусокъ берестины. Схватитъ мальчикъ бабушкинъ подарокъ съ жадностью, словно и впрямь неслыханную драгоцѣнность получилъ, и начнетъ тутъ рисовать. Такъ проводитъ онъ цѣлые дни, до вечера, когда станетъ темно и зажгутъ въ избѣ лучину.

А когда разрисуетъ онъ все, что ему другіе дали, и что самъ онъ разодобыть умѣлъ, тутъ Андрюша такое придумаетъ, что старшіе совсѣмъ его изругаютъ. Возьметъ мальчикъ черепокъ отъ битой посуды, залѣзетъ на очагъ и по копоти, покрывающей стѣны широкой печной трубы, нач-

нетъ выцарапывать рисунки—одинъ другого чуднѣе да мудренѣе. Самъ въ сажѣ выпачкается, все, что стояло на печи, запачкаетъ, а то и столкнетъ нечаянно на полъ что изъ посуды да и разобьетъ.

Какъ-то случайно узналъ объ этомъ удивительномъ мальчикѣ помѣщикъ. Въ то время многіе богатые помѣщики въ Россіи имѣли своихъ собственныхъ художниковъ, пѣвчихъ, музыкантовъ, актеровъ, хорошихъ мастеровъ—все изъ крѣпостныхъ, изъ людей способныхъ. Вотъ, графъ А. С. Строгановъ и рѣшилъ, что изъ Андрюши знаменитый художникъ можетъ выйти, и взялъ его къ себѣ, отдалъ учиться крѣпостному живописцу. Черезъ нѣсколько лѣтъ ученикъ превзошелъ въ искусствѣ своего учителя, и тогда графъ отправилъ Воронихина въ Москву для усовершенствованія въ рисованіи. Это было въ 1777 году.

«Извѣстные въ то время архитекторы *) Баженовъ и Казаковъ оказали надлежащее воздѣйствіе на развитіе самобытнаго таланта художника-самоучки,—читаемъ мы въ одномъ изъ жизнеописаній Воронихина.—Покровитель его, графъ Строгановъ, не удовольствовался, однако, этимъ и перевелъ Воронихина въ Петербургъ, гдѣ ему дана была еще болѣе основательная подготовка къ будущей дѣятельности. Четыре поѣздки по Южной Россіи и

---

*) «Архитекторъ»—слово греческое, значитъ «строитель», «зодчій». Отсюда «архитектура»—«искусство строить», или «наука о постройкахъ».

Западной Европѣ, совершенныя по желанію и на средства графа и въ обществѣ сына графа, явились заключительнымъ звеномъ художественнаго образованія молодого архитектора. Изученіе пейзажной живописи *) и архитектуры въ Парижѣ чередовалось у него съ занятіями по математическимъ наукамъ, естествознанію, механикѣ и астрономіи. Все это, несомнѣнно, оказало должное и благотворное вліяніе на прирожденное дарованіе художника. Вернулся онъ въ Россію во всеоружіи необходимыхъ знаній. 25 іюня 1786 года Воронихинъ получилъ отпускную отъ своего помѣщика, очевидно, хорошо сознавшаго, что «воля— къ свѣту знаній первая ступень».

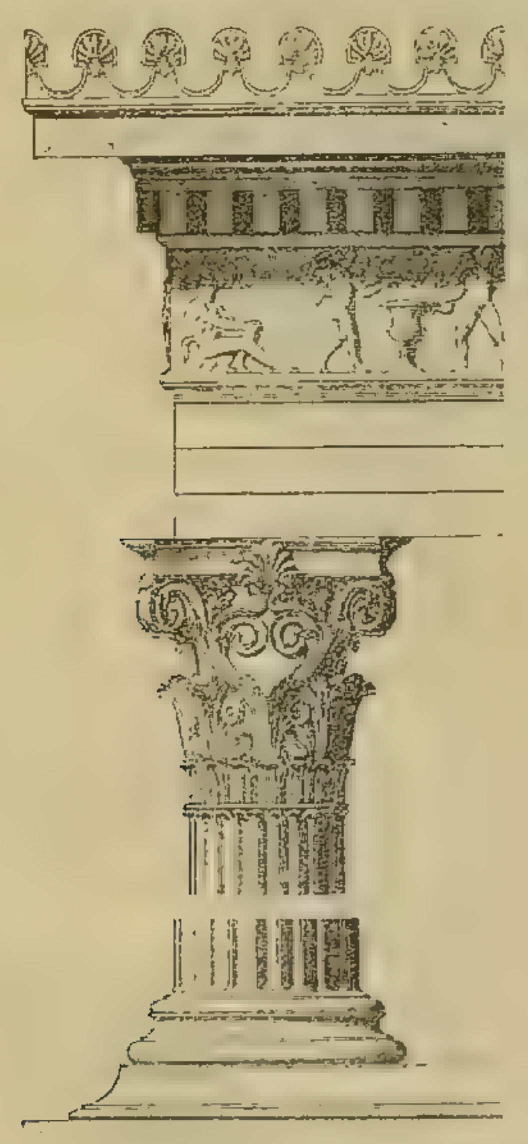
«По пріѣздѣ въ Петербургъ, Воронихинъ, нарисовавшій предъ тѣмъ нѣсколько портретовъ, занялся преимущественно работами по живописи и блестяще заявилъ себя съ этой стороны. 1794 годъ ознаменовался для его дѣятельности представленіемъ въ Академію Художествъ большой картины, изображающей картинную галлерею *) графа А. С. Строганова. Наградой за эту, превосходно выполненную, художественную работу было званіе «академика живописи». Эта картина А. Н. Воронихина до сихъ поръ хранится въ Академіи Художествъ, краснорѣчиво свидѣтельствуя о томъ, что русское искусство, при самомъ своемъ заро-

---

*) «Пейзажъ» значитъ «видъ». Пейзажная живопись—изображеніе разныхъ видовъ природы.

*) Картинная галлерея—помѣщеніе, гдѣ собраны картины.

жденіи, пыталось идти самостоятельной дорогой. Она служила краеугольнымъ камнемъ извѣстности Воронихина, занявшаго, послѣ появленія ея, по-

Колонна и капитель (верхняя, головная часть ея) коринѳскаго стиля.
(Возстановлено по остаткамъ одной постройки въ древнихъ Аѳинахъ).

четное мѣсто въ рядахъ дѣятелей родного искусства—мѣсто, до сихъ поръ не утраченное имъ, несмотря на то, что съ того времени минуло уже болѣе столѣтія».

«Въ 1800 году Воронихина пригласили въ Академію Художествъ преподавателемъ архитектуры, а нѣсколько новыхъ картинъ Воронихина явились самымъ лучшимъ подтвержденіемъ неотъемлемой принадлежности ему этого мѣста. «Но, несмотря на это, наибольшее значеніе въ русскомъ искусствѣ принадлежитъ ему не какъ художнику-живописцу, а какъ архитектору-строителю. Въ этой отрасли художествъ самобытное дарованіе его нашло себѣ наиболѣе широкое примѣненіе. Государь Императоръ Павелъ Петровичъ, имѣвшій случай познакомиться съ дарованіемъ А. Н. Воронихина, поручилъ ему составить планъ величественнаго храма въ честь Казанской иконы Богоматери. Сооруженіе было передано въ вѣдѣніе этого же талантливаго художника. Проникнувшись величіемъ порученной ему задачи, Воронихинъ вложилъ все свое дарованіе въ исполненіе этой работы, и составленный имъ планъ явился въ полномъ смыслѣ слова художественнымъ произведеніемъ. Архитекторъ-самородокъ взялъ за образецъ для своей вдохновенной работы планъ парижскаго Дома Инвалидовъ, исполненный русскимъ художникомъ Баженовымъ, подъ непосредственнымъ руководствомъ котораго, какъ мы уже упоминали, онъ и получилъ свое художественное образованіе».

«Фасадъ *) собора, по плану своему, нѣсколько напоминетъ величественное зданіе собора св. Петра

---

*) Лицевая сторона.

Казанскій соборъ въ С.-Петербургѣ

въ Римѣ. Крестообразный по расположенію стѣнъ, храмъ украшенъ съ сѣверной, западной и южной сторонъ портиками съ колоннами *). Какъ стѣны, такъ и колонны сдѣланы изъ пудожскаго **) желто-сѣраго камня, вывезеннаго изъ Олонецкой губерніи. Красиво обрамляющія площадь колонны-крылья собора, полукругомъ расходящіяся отъ храма къ Невскому проспекту, по обѣ стороны собора, явились наиболѣе смѣлыми изъ замысловъ художника-строителя».

Въ ноябрѣ 1800 года планъ этотъ былъ одобренъ. Среди лицъ, которыя должны были наблюдать за постойкой, былъ А. С. Строгановъ, ректоръ Академіи Художествъ. Расходы по сооруженію этого величественнаго храма должны были превышать сумму въ три милліона,—какъ считали въ то время,—ассигнаціями. Рубль ассигнаціями стоилъ въ четыре раза меньше нынѣшняго рубля и состоялъ изъ 100 мѣдныхъ копеекъ. 27 марта 1801 года совершена была закладка Казанскаго собора. На этомъ торжествѣ присутствовалъ только-что вступившій на престолъ Государь Императоръ Александръ Павловичъ, а 15 сентября 1811 года, въ день коронаціи, состоялось освященіе собора. Такимъ образомъ, въ

*) Какъ видно на рисункѣ, помѣщенномъ на страницѣ 13-ой, портикъ представляетъ собою длинный крытый ходъ, или галлерею, стѣны котораго состоятъ изъ ряда одинаковыхъ столбовъ, или колоннъ. Самый храмъ занимаетъ среднюю часть всей постройки и помѣщается подъ куполомъ, а по сторонамъ храма находятся эти крытые ходы.

**) Въ Пудогѣ, Олонецкой губерніи, и въ настоящее время добываются очень твердые камни разныхъ цвѣтовъ, напоминающіе иногда мраморъ и незамѣнимые при постройкахъ дворцовъ, храмовъ, памятниковъ, мостовъ и тому подобныхъ сооруженій, соединяющихъ въ себѣ красоту съ прочностью.

теченіе десяти лѣтъ Воронихинъ работалъ надъ выполненіемъ трудной задачи, и исторія русскаго зодчества должна гордиться его именемъ. Вполнѣ справедливо мнѣніе, которое считалось общераспространеннымъ въ то время, что освященіе храма было «настоящимъ праздникомъ русскаго строительнаго искусства: какъ самый соборъ былъ сооруженъ по плану и подъ наблюденіемъ русскаго художника-самородка, такъ и матеріалъ для его сооруженія былъ взятъ изъ нѣдръ русской земли, обработанъ русскими мастерами, на русскихъ казенныхъ заводахъ. Стоимость сооруженія, превысившая первоначальную смѣту, достигла 4.200.000 рублей ассигнаціями. По освященіи новопостроеннаго собора и перенесеніи въ него Чудотворной иконы Казанской Божіей Матери, была разобрана прежняя, сооруженная на Казанской площади при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ тѣсная церковь Рождества Пресвятыя Богородицы».

Къ этому можно прибавить, что въ 1802 году Воронихинъ получилъ почетное званіе «профессора архитектуры», а затѣмъ послѣдовали разные ордена, отличія и награды. Конечно, не эти награды поощряли даровитаго художника къ дальнѣйшимъ работамъ, а сознаніе той пользы, которую онъ можетъ принести родному строительному искусству. И дѣйствительно, Воронихинъ принадлежитъ тому времени, когда русское зодчество стало мало-по-малу освобождаться отъ вліянія западнаго искусства и становилось самобытнымъ.

Казанскій соборъ сдѣлался образомъ и для другихъ подобныхъ же построекъ въ Россіи, и, такимъ образомъ, очень многіе строители послѣдующаго времени справедливо считаютъ Воронихина своимъ учителемъ.

Вотъ что говорится въ описаніи Казанскаго собора этого величественнаго о значеніи сооруженія.

«Громадное зданіе собора, построенное по плану русскаго архитектора-самородка, представляетъ живой памятникъ пережившаго столько колебаній времени и остается краснорѣчивымъ, хоть и безмолвнымъ, свидѣтелемъ того, что русскій самородный геній *), прикоснувшійся къ болѣе просвѣщенной западной почвѣ и усвоивъ ея внѣшніе пріемы, сохряняетъ въ себѣ самобытность. Эта самобытность даетъ для робкаго ученика возможность переживать своихъ гордыхъ былой славой учителей. Быть можетъ, и безсознательно, Воронихинъ вложилъ въ каменное сердце построеннаго имъ родного дѣтища, т. е. собора, — живучее зерно этой чисторусской самобытности, развившейся много лѣтъ спустя послѣ его смерти. Государь Императоръ Александръ Павловичъ, присутствовавшій на торжественномъ освященіи Казанскаго собора, отнесся къ десятилѣтнимъ трудамъ художника-самородка съ тѣмъ же вниманіемъ, какъ и отецъ его, Императоръ Павелъ Петровичъ,

---

*) «Геній»—необычайно счастливое отъ природы сочетаніе душевныхъ способностей, ума, чувства и воли; геній—выше, чѣмъ «талантъ», «дарованіе», «даръ».

оцѣнившій въ художникѣ стремленіе соединить самобытность русскаго зодчества съ иноземными образцами. Строитель собора былъ награжденъ орденомъ св. Анны второй степени, украшеннымъ бриллiантами, и пожизненной пенсiей, совершенно обезпечившей его существованiе. Сооруженiе Казанскаго собора въ дѣятельности Воронихина явилось самымъ знаменитымъ его дѣломъ. Этотъ величественный по своимъ задачамъ и блестящiй по выполненiю трудъ былъ для Воронихина той завѣтной работой, завершивъ которую,—онъ съ чувствомъ полнаго самоудовлетворенiя могъ сказать: «Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко»... Словно сознавая, что онъ совершилъ «въ предѣлахъ земныхъ все земное», художникъ-самородокъ скоропостижно почилъ отъ трудовъ своихъ,—по окончательномъ заключенiи всѣхъ дополнительныхъ работъ по внутренней отдѣлкѣ собора,—21 февраля 1814 года. Могила его находится на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры».

Изъ вниманiя къ несомнѣннымъ заслугамъ покойнаго, Императоръ Александръ Павловичъ приказалъ сохранить пенсiю Воронихина для его жены и дѣтей. Добавимъ здѣсь, что Воронихинымъ построены еще слѣдующiя зданiя: Горный корпусъ, Государственное Казначейство, первая русская клиника *) по внутреннимъ болѣзнямъ при Военной

*) Такая больница, которая находится при университетѣ, академiи, институтѣ, или иномъ высшемъ учебномъ заведенiи, и въ которой студенты, подъ руководствомъ профессоровъ, изучаютъ болѣзни и ихъ лѣченiе.

Медицинской академiи, фонтанъ на Пулковской горѣ, затѣмъ нѣсколько изящныхъ дворцовъ, колоннадъ *), обелисковъ **) и другихъ построекъ въ окрестностяхъ Петербурга,—въ Петергофѣ, Гатчинѣ, Стрѣльнѣ и Павловскѣ.

Кто бывалъ въ Петербургѣ, тотъ, навѣрное, любовался лучшей постройкой Воронихина, громаднымъ и въ то же время необыкновенно легкимъ зданiемъ Казанскаго собора, который лицевой стороной выходитъ на Невскiй проспектъ. Соборъ возвышается на площади, гдѣ разбитъ красивый пестрый цвѣтникъ, и находится между Казанской улицей и Екатерининскимъ каналомъ.

«Напоминая до извѣстной стопени подобiе собора св. Петра въ Римѣ,» — читаемъ мы въ описанiи этого храма,—«онъ представляетъ одно изъ наиболѣе величественныхъ сооруженiй русской столицы, являясь, въ то же самое время вмѣстилищемъ одной изъ благоговѣйно чтимыхъ населенiемъ святынь. Храмъ служитъ также и хранилищемъ знаменъ, бывшихъ въ бояхъ въ достопамятную Отечественную войну съ французами. Размѣры собора поражаютъ своей величиной: длина храма съ алтаремъ достигаетъ 34-хъ саженъ; ширина собора, если войти въ него западными две-

---

*) Колоннада—рядъ колоннъ, поставленныхъ на одномъ основанiи и покрытыхъ сверху надстройкою, съ какими-нибудь украшенiями.

**) Обелиски строились первоначально въ Египтѣ. Обелискъ это—очень высокiй, постепенно къ верху суживающiйся столбъ, четырехугольный и заостренный вверху на подобiе иглы. Стороны обелисковъ иногда покрывались рѣзными или живописными изображенiями.

рями—12 саженей, а отъ южныхъ до сѣверныхъ дверей—болѣе 26 саженъ. На южномъ и сѣверномъ портикахъ воздвигнуто по 20-ти колоннъ, а на западномъ такихъ же колоннъ—12; каждая сторона колоннады, сооруженной передъ фасадомъ собора, развертывается на 20 саженъ. Число всѣхъ колоннъ, обступающихъ зданіе собора, достигаетъ 136; всѣ онѣ высѣчены изъ пудожскаго камня и поставлены на чугунныхъ основаніяхъ. Своды собора лежатъ на 50 круглыхъ, въ два ряда расположенныхъ, колоннахъ изъ цѣльнаго финляндскаго гранита, съ бронзовыми рѣзными верхушками и мѣдными основаніями.»

«Надъ средней частью храма поднимается куполъ-башня, съ полукруглымъ сводомъ, который увѣнчанъ вызолоченнымъ крестомъ. Этотъ крестъ какъ бы смотритъ въ небо съ тридцати трехъ-саженной высоты отъ подножія собора. Бронзовыя статуи Іоанна Крестителя, Равноапостольнаго князя Владиміра, Александра Невскаго и Андрея Первозваннаго, работы лучшихъ русскихъ художниковъ начала минувшаго столѣтія, украшаютъ сѣверную сторону величественнаго храма. Входныя двери отлиты изъ бронзы по образцу вратъ собора во Флоренціи (въ Италіи)».

«Главный изъ трехъ престоловъ храма освященъ въ честь Казанской иконы Божіей Матери, южный—въ память Рождества Богородицы, сѣверный—во имя Антонія и Ѳеодосія Кіевопечерскихъ. Многія иконы въ соборѣ принадлежатъ

кисти выдающихся русскихъ художниковъ, напримѣръ, Шебуева, Боровиковскаго, Егорова, Безсонова и другихъ».

Вотъ названія наиболѣе выдающихся иконъ: «Рождество Богородицы» и «Сошествіе Святаго Духа» — Егорова, «Три Святителя», «Взятіе на небо Божіей Матери» и «Св. Василій Великій» — Шебуева, «Царь Константинъ и мать его Елена», «Великомученица Екатерина», «Антоній и Ѳеодосій», «Благовѣщеніе» и «Евангелисты» на главныхъ царскихъ вратахъ—Боровиковскаго. Замѣчательно, между прочимъ, что эти художники, такъ же, какъ и Воронихинъ, вышли изъ простонародья. За престоломъ—дивный образъ К. Брюлова: «Богоматерь возносится на небо». Кромѣ того, въ соборѣ замѣчательно хорошо нарисована «Тайная Вечеря» Безсоновымъ.

«Иконостасъ главнаго алтаря, законченный работой только въ 1836 году, весь сдѣланъ изъ серебра. Изъ ста пудовъ, пошедшихъ на его сооруженіе, сорокъ составляютъ даръ донскихъ казаковъ. Это—добыча, отбитая ими у бѣжавшихъ изъ Россіи французовъ. Награбленное французами въ русскихъ храмахъ серебро принесено было доблестными защитниками Земли Русской къ подножію одной изъ наиболѣе усердно чтимыхъ святынь ея»...

— «Благословите сей даръ, приносимый воинами Подателю побѣды! Храбрые донскіе казаки возвращаютъ Богу похищенныя изъ храмовъ Его

сокровища»,—писалъ петербургскому митрополиту Амвросію почивающій подъ сводами Казанскаго собора герой Отечественной войны, свѣтлѣйшій князь Михаилъ Иларіоновичъ Кутузовъ-Смоленскій.

И каждый, кто посѣщаетъ эту святыню, видя надгробную плиту Кутузова, невольно припомнитъ прекрасное стихотвореніе нашего великаго поэта Александра Сергѣевича Пушкина: «Ко гробу Кутузова».

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшей головой...
Все спитъ кругомъ. Однѣ лампады
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.
Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ *) сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ!
Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ.
Онъ русскій гласъ намъ издаетъ:
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
«Иди, спасай!»—Ты всталъ и спасъ.

Казанскій соборъ является, какъ мы уже сказали, памятникомъ Отечественной войны. Въ немъ

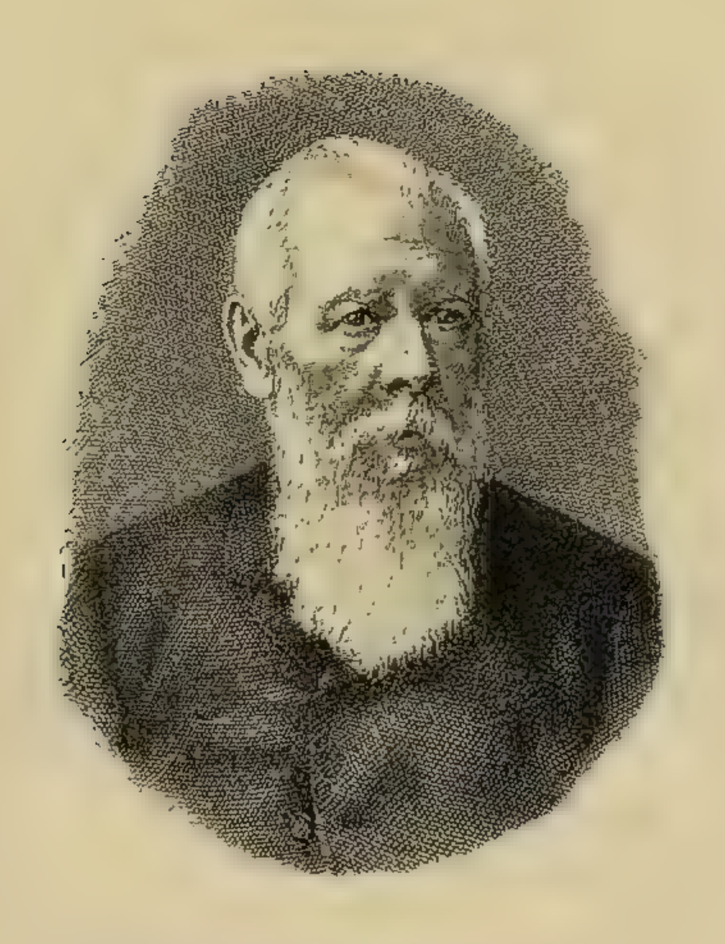
*) Солдаты, дѣйствительно, почитали своего полководца, какъ непобѣдимаго героя, и вѣрили Кутузову, несмотря на первыя неудачи русскихъ войскъ въ войнѣ съ Наполеономъ.

хранятся 114 знаменъ, отбитыхъ у непріятеля и развѣшанныхъ теперь по стѣнамъ храма, а также ключи отъ 28 покоренныхъ нами крѣпостей и городовъ.

На площади передъ соборомъ поставлены памятники Кутузову и его сподвижнику, генералу Барклаю-де-Толли, также прославившемуся въ памятномъ для Россіи 1812 году.

На Красной площади въ Москвѣ высится красивое зданіе собора Василія Блаженнаго, со множествомъ причудливыхъ куполовъ, главъ и пристроекъ, оконъ, ходовъ и т. д. Прежде думали, что оно построено какимъ-нибудь иностраннымъ зодчимъ въ XVI вѣкѣ. Недавно найдена современная постройкѣ запись, которая сохранила имена двухъ русскихъ строителей этой церкви—Бармы и Постника. Такимъ образомъ, два собора обѣихъ русскихъ столицъ были сооружены русскими зодчими-самородками, и вотъ почему ихъ именами должна гордиться исторія русскаго искусства.

Θеодоръ Григорьевичъ Солнцевъ,

рисовальщикъ и изслѣдователь русскихъ древностей (1801—1892).

Θеодоръ Григорьевичъ Солнцевъ,

рисовальщикъ и изслѣдователь русскихъ древностей (1801—1892).

«Мы справедливо дорожимъ списками нашихъ лѣтописей Нестора и его многочисленныхъ послѣдователей; не того ли же самаго вниманія достойны труды нашего почтеннаго Нестора—основателя археологической живописи у насъ въ Россіи—Θеодора Григорьевича Солнцева? Труды его — достояніе науки драгоцѣнное наслѣдіе грядущимъ поколѣніямъ людей русскихъ, сокровища исторіи и художества».

М. И. Семевскій.

Между Θ. Г. Солнцевымъ и историкомъ Москвы И. Е. Забѣлинымъ *)—очень много общаго. Оба они не только посвятили изученію русской старины всю свою долгую жизнь, не только всю жизнь они провели въ древлехранилищахъ — архивахъ, музеяхъ, среди древнихъ рукописей, документовъ, надписей, стариннаго оружія, церковныхъ предметовъ, вещей домашняго обихода и т. д., наконецъ, оба они не только знали стародавнюю жизнь много лучше остальныхъ ученыхъ,—но, во время научныхъ своихъ разысканій, оба они прониклись и плѣнились стариной русской, поняли ее и горячо полюбили. Мысленно они всегда находились среди

*) Жизнеописаніе Ивана Егоровича Забѣлина читатели найдутъ въ первомъ выпускѣ нашихъ книжекъ «Русскіе самородки въ жизнеописаніяхъ и изображеніяхъ».

старины, уловляли и воспроизводили въ своихъ твореніяхъ самый духъ ея: Забѣлинъ -въ ученыхъ изслѣдованіяхъ, Солнцевъ—въ многочисленныхъ рисункахъ. Если на время забыть, что одинъ изъ нихъ работалъ исключительно перомъ, а другой—кистью, то намъ покажется, что Солнцевъ, это—рисующій Забѣлинъ, а Забѣлинъ—пишущій Солнцевъ: настолько близко стоятъ они другъ къ другу по характеру дѣятельности, какъ бы замѣняя и восполняя одинъ другого.

Если Забѣлинъ не получилъ никакого научнаго образованія, то въ значительной степени то же самое можно сказать и о Солнцевѣ. Правда, онъ учился живописи въ Академіи Художествъ, но, во-первыхъ, Солнцевъ—крестьянскій сынъ и проблески дарованія обнаружилъ еще задолго до поступленія въ Академію, во-вторыхъ, старину изучилъ онъ въ полномъ смыслѣ слова «самоучкой», а не въ Академіи, гдѣ въ то время никто не интересовался не только стариной, но и всей русской жизнью.

Въ жизнеописаніяхъ Солнцева о его рисованіи въ дѣтствѣ разсказывается слѣдующее. «Матушка Солнцева была грамотна и начала обучать сына читать на шестомъ году. Доставалось ученику за тетради, которыя постоянно оказывались запачканными, чему способствовало и то, что мальчикъ не особенно любилъ сидѣть за букваремъ, а предпочиталъ что-нибудь рисовать. Найдя, бывало, цвѣтные мягкіе камешки на рѣкѣ Ильтѣ

или Сити, онъ рисовалъ ими, какъ умѣлъ. Если попадались въ руки какія-нибудь лубочныя картинки,—онъ принимался срисовывать ихъ. Въ селѣ у матушки онъ прожилъ до 1815 года, когда ихъ посѣтилъ отецъ, служившій въ столицѣ. Отцу нажаловались, что мальчикъ ничего не дѣлаетъ, кромѣ того, немилосердно пачкаетъ тетради рисунками преимущественно церковныхъ предметовъ. Внимательно разсмотрѣвъ тетради, батюшка обрадовался, что у сына есть «страсть къ рисованію», и взялъ его съ собой въ Петербургъ. Въ томъ же 1815 году его опредѣлили въ Академію Художествъ. Въ рисовальномъ классѣ онъ пробылъ менѣе полугода и затѣмъ былъ переведенъ въ гипсовый *), въ которомъ пробылъ тоже недолго, и перешелъ въ натурный, избравъ себѣ для изученія историческую и „портретную живопись».

Такихъ крестьянскихъ дѣтей, какъ Солнцевъ, въ Академіи Художествъ обучалось не мало. О нѣкоторыхъ изъ нихъ, ставшихъ впослѣдствіи знаменитостями, говорится въ нашей книгѣ. Но многія талантливыя дѣти изъ бѣдныхъ семействъ не могли продолжать ученіе въ Академіи по недостатку средствъ или другимъ причинамъ—и покидали ее. Такіе случаи бывали и до Солнцева, бывали и въ его время. Поэтому, хорошо- зная по собственному опыту, какъ трудно пробиться въ люди

*) Въ этомъ классѣ ученики рисуютъ съ гипсовыхъ фигуръ. Въ слѣдующемъ, «натурномъ», классѣ они рисуютъ уже съ живыхъ людей, съ «натурщиковъ».

безпомощнымъ молодымъ художникамъ, вышедшимъ изъ народа,—Солнцевъ уже въ зрѣлые годы жизни посвящалъ силы на благо крестьянскихъ мальчиковъ, обучавшихся въ Академіи Художествъ. А когда министръ Государственныхъ Имуществъ М. Н. Муравьевъ первый обратилъ вниманіе на то, чтобы способнымъ къ искусству крестьянскимъ мальчикамъ давать возможность обучаться въ Академіи Художествъ на казенный счетъ, то попечителемъ этихъ художниковъ изъ крестьянъ въ теченіе многихъ лѣтъ состоялъ Солнцевъ.

«Въ исторіи русскаго искусства за послѣднюю половину XVIII вѣка и первую половину XIX столѣтія замѣчается слѣдующая черта»,—говоритъ А. В. Половцевъ.—«Всѣ представители литературы, за исключеніемъ почти одного Ломоносова, принадлежатъ къ дворянству; живописцы же, ваятели и зодчіе, за сравнительно немногимъ исключеніемъ, вышли изъ крестьянской и мѣщанской среды. Ѳеодоръ Григорьевичъ Солнцевъ, родившійся 14 апрѣля 1801 года въ селѣ Верхненикульскомъ Мологскаго уѣзда Ярославской губерніи, былъ сыномъ крестьянина, принадлежавшаго графу И. А. Мусину-Пушкину. Впрочемъ, отцу нашего художника удалось выбраться изъ крестьянскаго званія, такъ какъ, вскорѣ послѣ рожденія Ѳеди, Григорій уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ долго служилъ кассиромъ при театрахъ. Мать осталась съ семьей въ деревнѣ и первая учила его грамотѣ. Когда мальчику было шесть лѣтъ, онъ уже сидѣлъ за книжкой,

черезъ годъ онъ хорошо читалъ, и занятіями его сталъ руководить старикъ-крестьянинъ, управляющій имѣніемъ графа. Маленькій Ѳедя очень любилъ срисовывать картинки и, вообще, возиться съ углемъ и карандашомъ».

«Первые годы ученія въ Академіи Художествъ принесли Солнцеву мало пользы. Это было до назначенія президентомъ *) Академіи А. Н. Оленина, до 1817 года. «Порядки въ ней въ то время были ужасные, и преподаваніе въ ней научныхъ предметовъ, а отчасти и художественныхъ—жалкое»,— разсказываетъ тотъ же историкъ.—«Алексѣй Николаевичъ Оленинъ, человѣкъ очень замѣчательный какъ по своей дѣятельности, такъ и по беззавѣтной любви къ искуству, измѣнилъ все къ лучшему въ самомъ непродолжительномъ времени. До самой своей смерти Солнцевъ не могъ равнодушно вспоминать объ Оленинѣ, который, дѣйствительно, былъ его ангеломъ-хранителемъ до самой своей кончины. Въ числѣ многихъ полезныхъ нововведеній, Оленину принадлежитъ, между прочимъ, слѣдующее. Старшимъ ученикамъ ставилось въ обязанность писать копіи съ картинъ, для которыхъ Оленинъ находилъ покупателей. Вырученныя отъ продажи деньги раздѣлялись на три части: одна часть шла на покупку матеріаловъ для писаній копій, вторая— на классы, произведенія которыхъ не могли продаваться, и третья—въ кассу Академіи. Когда вос-

*) Президентъ—то же, что предсѣдатель.

питанникъ оканчивалъ курсъ, то получалъ изъ кассы всѣ заработанныя имъ деньги. Разумѣется, такія сбереженія были для нѣкоторыхъ настоящимъ кладомъ. Солнцевъ получилъ при выходѣ изъ Академіи 600 рублей. Кромѣ того, каждому выходившему давали платье, двѣ пары сапогъ, бѣлья по три пары и всѣ принадлежности и инструменты, необходимые для работъ ученика».

«Полученіе Солнцевымъ первой золотой медали не обошлось безъ треволненій. Задано было изобразить Спасителя съ фарисеями на Евангельскія слова: «Кесарево—Кесарю». Работалъ Солнцевъ долго и усердно подъ руководствомъ профессоровъ Варнека, Щукина и Егорова. Но изъ нихъ Щукинъ былъ уже очень старъ и слабъ, а Варнекъ, не давая никакихъ указаній, только находилъ въ изображеніи разные недостатки. Когда картина была уже почти готова, Варнекъ сказалъ Солнцеву:

— Голова Спасителя хороша, но божества нѣтъ.

Молодой художникъ заволновался: какъ бы помочь горю? Черезъ нѣсколько дней зашелъ въ мастерскую профессоръ Егоровъ. Замѣтивъ смущеніе художника, онъ спросилъ:

— Ты, какъ будто, не спокоенъ?

— Александръ Григорьевичъ говоритъ,—печально отвѣчалъ Солнцевъ,—что въ написанной мною головѣ Спасителя нѣтъ божества.

— Какъ божества?—возразилъ Егоровъ.—Да развѣ ты не знаешь, что Бога «никтоже видѣ

нигдѣ же»? А ты вотъ что лучше сдѣлай: когда Варнекъ придетъ къ тебѣ, попроси его самого поправить картину. Не безпокойся, оставь; голова такъ хороша, что и мнѣ лучше не написать!»

«Большая золотая медаль давала кончившему курсъ Академіи право на поѣздку на казенный счетъ за границу для усовершенствованія въ художествахъ. Въ 1827-мъ году Солнцеву разрѣшили ѣхать за границу, только почему-то не въ Западную Европу, какъ бывало до тѣхъ поръ, а въ Китай. Солнцевъ согласился, но, по совѣту Оленина, обратился за справками къ о. Іоакинѳу Бичурину, жившему долго въ Китаѣ. Бичуринъ такъ напугалъ молодого художника тѣмъ, что онъ, навѣрное, надолго застрянетъ въ Китаѣ, что Солнцевъ отказался ѣхать. Оленинъ разсердился за упрямство, и Солнцева лишили вообще заграничнаго путешествія».

На Солнцева обратили вниманіе еще тогда, когда онъ былъ ученикомъ Академіи. Въ 1822 году при дворцѣ, по поводу какого-то торжества, устраивали живыя картины. Императрица Марія Ѳеодоровна поручила А. Н. Оленину выбрать нѣсколько лучшихъ учениковъ и заказать имъ копіи съ картинъ старыхъ живописцевъ, хранившихся въ Эрмитажѣ. Работа эта была поручена, между прочимъ, и Солнцеву. Копіи, сдѣланныя имъ, были исполнены настолько умѣло, что всѣ, видѣвшіе ихъ, остались ими довольны.

Интересно также, что вполнѣ уже самостоятельная художественная дѣятельность Солнцева началось картиной «Крестьянское семейство». Сынъ народа, художникъ исполнилъ трудную для того времени задачу очень удачно. Надо знать еще, что молодые художники должны были исполнить этотъ рисунокъ, не выходя изъ комнаты, въ которую ихъ запирали на нѣсколько часовъ, притомъ—каждаго въ особую комнату. Натурщиками у Солнцева были служителя-истопники Академіи, сынъ сторожа и старушка—сидѣлка изъ лазарета. Разсказываютъ, что профессора остались очень довольны рисункомъ Солнцева; замѣчаніе сдѣлали только относительно горшка съ молокомъ, написаннымъ, будто бы, неестественно. Но такъ какъ остальныя подробности картины обнаружили несомнѣнное дарованіе въ художникѣ, то Оленинъ постановилъ выдать Солнцеву вторую золотую медаль, а для того, чтобы онъ научился рисовать молоко, велѣлъ эконому Академіи отпускать художнику ежедневно кринку неснятого молока! Надъ этимъ въ Академіи много смѣялись, но самъ Солнцевъ остался очень доволенъ приказаніемъ президента. Другое жизнеописаніе Солнцева передаетъ, что «вниманіе президента Академіи принесло Ѳеодору Григорьевичу большую пользу. Однажды онъ зашелъ къ Оленину, на домъ, и тотъ поручилъ ему нарисовать «Липецкое сраженіе», бывшее близъ Юрьева Польскаго въ 1216 году. За эту работу онъ получилъ 200 рублей. Послѣ

того Оленинъ предложилъ ему нарисовать «Рязанскія древности», найденныя незадолго передъ тѣмъ тремя крестьянами близъ Старой Рязани, Спасскаго уѣзда, при починкѣ дороги.»

«Рисовалъ Ѳедоръ Григорьевичъ въ кабинетѣ Оленина. Между прочимъ, у него была нарисована древняя бляха, и рисунокъ этотъ лежалъ на столѣ. Однажды пріѣхалъ къ Оленину профессоръ живописи Воробьевъ. Замѣтивъ на столѣ бляху и принявъ ее за настоящую, онъ хотѣлъ рукой сдвинуть ее, но, увидѣвъ свою ошибку, воскликнулъ:

— Неужели это нарисовано?

На это Оленинъ замѣтилъ:

— Да ужъ лучшей похвалы искусству нельзя сдѣлать!»

Съ этого времени начинается серьезная работа Солнцева по археологіи *). Ему поручаютъ срисовывать древности изъ керченскихъ и фанагорійскихъ раскопокъ въ Крыму, его посылаютъ въ Москву, Новгородъ, Владиміръ, Кіевъ, Витебскъ, Псковъ, Орелъ, Рязань, Суздаль, Торжокъ, Тулу, Тверь, Черниговъ и другіе старинные русскіе города, а также во многіе монастыри, гдѣ Солнцевъ срисовываетъ церковные сосуды, иконы, древнее вооруженіе, одежды, царскую утварь, монеты, предметы домашняго обихода и т. д. Но этого мало. Солнцевъ не только тщательно копировалъ самые предметы, но и сочинялъ разные

---

*) Наука о древностяхъ.

рисунки въ древнемъ стилѣ *) для золотыхъ дѣлъ мастеровъ, которые по нимъ дѣлали великолѣпныя вещи въ старинномъ русскомъ духѣ. Конечно, для того времени это было большой новостью и вскорѣ обратило на себя вниманіе всѣхъ любителей старины, а также двора.

Когда у Солнцева накопилось много рисунковъ, то Государь Императоръ Николай Павловичъ задумалъ издать ихъ хромолитографіей **) и отпустилъ на это огромную сумму—100.000 рублей. Отъ 1846 года до 1853 вышло семь громадныхъ томовъ, болѣе чѣмъ съ 500 рисунками. Это были извѣстныя «Древности Государства Россійскаго», исполненныя исключительно нашимъ неутомимымъ художникомъ-археологомъ.

Насколько хорошо Солнцевъ зналъ древности, показываетъ слѣдующій случай, о которомъ онъ самъ разсказываетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ». Въ 1835 году рѣшили возстановить царскіе терема, что̀ въ Московскомъ Кремлѣ. Представленныя предложенія нѣсколькихъ археологовъ не понравились Государю, который очень живо интересовался этимъ дѣломъ и, вообще, любилъ русскую старину. Тогда поручено было заняться этимъ дѣломъ Солнцеву. Солнцевъ принялся за возобновленіе очень ревностно. Онъ отыскалъ нѣсколько остатковъ царской утвари, одежды, мебели, при-

---

*) Объясненіе слова «стиль» сдѣлано выше. См. примѣчаніе на стр. 3-й.
**) Печатаніе рисунковъ въ краскахъ.

надлежавшей XVII вѣку, по этимъ образцамъ сдѣлалъ нѣсколько новыхъ вещей, и черезъ годъ терема были приведены въ должный видъ. По пріѣздѣ въ Москву, Государь Императоръ пожелалъ осмотрѣть работу Солнцева.

Старинные Царскіе терема въ Московскомъ кремлѣ, возстановленные Ѳ. Г. Солнцевымъ.

«Ставъ у дверей, я съ большой тревогой и безпокойствомъ ожидалъ прибытія Государя»,—разсказывалъ художникъ.—«Его Величество пріѣхалъ и, сказавъ мнѣ: «здравствуй, Солнцевъ»,—сталъ обходить всѣ терема, не говоря почти ни слова. Князь В. В. Долгорукій, замѣтивъ мое безпокойство, сталъ утѣшать меня, что все сдѣлано от-

лично, что Государь останется доволенъ и т. п. Вдругъ слышу голосъ Его Величества:

— Солнцевъ, сюда!

Я подошелъ. Государь сказалъ:

— Польза, честь и слава, нынѣ и присно, во вѣки вѣковъ, аминь. Пойдемъ! Я представлю тебя Императрицѣ. Не засиживайся здѣсь; отдохни отъ трудовъ. Тебѣ здѣсь холодно: пріѣзжай въ Петербургъ. Я тебя погрѣю.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, явился я къ Оленину. Онъ встрѣтилъ меня словами:

— Сходи къ князю П. М. Волконскому. Тебѣ давно пожалованъ владимірскій крестъ.

Тутъ только я понялъ, что̀ значили слова Государя: «польза, честь и слава». Эти слова находятся на владимірскихъ орденахъ». *)

А. В. Половцевъ, слышавшій не мало разсказовъ отъ самого художника, говоритъ, между прочимъ, что Солнцевъ часто и много разсказывалъ о необыкновенно милостивомъ и душевномъ отношеніи къ нему Императора Николая Павловича, который умѣлъ цѣнить въ немъ знаніе и искусство. Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ.

«Государь осматривалъ Оружейную Палату. Была осень, приходилось работать въ шинели. Когда разнеслась вѣсть о пріѣздѣ Императора,—Солнцевъ снялъ шинель и скоро прозябъ. Государь поздоровался съ Солнцевымъ, который пошелъ за нимъ вмѣстѣ съ директоромъ Оружейной Палаты

*) На звѣздѣ владимірской.

Ушаковымъ, чиновникомъ Палаты и другими. Надъ дверьми висѣли турецкіе флаги.

— Это что такое?—спросилъ Императоръ.

— Турецкія знамена,—отвѣтилъ чиновникъ.

Солнцевъ тихонько подсказалъ: «флаги». Слышалъ ли это Государь, или нѣтъ, но только онъ замѣтилъ чиновнику:

— Что ты путаешь? Это—флаги.

Пошли дальше. Въ ящикахъ подъ стекломъ лежали серебряныя и золоченыя цѣпи. Государь заинтересовался ими.

— Это цѣпи рындовъ, т. е. царскихъ тѣлохранителей,—объяснилъ чиновникъ.

Императоръ не удовольствовался этимъ объясненіемъ, подозвалъ Солнцева и спросилъ его о цѣпяхъ.

— Это, Ваше Величество, выводныя цѣпи для лошадей, назначенныхъ подъ сѣдло Царя,—сказалъ, тотъ.

Государь обратился къ сопровождавшимъ его лицамъ со словами:

— Не стыдно ли вамъ? Столько лѣтъ служите здѣсь и ничего толкомъ объяснить не умѣете! Онъ лучше васъ знаетъ,—прибавилъ Государь, указывая на Солнцева.

Императоръ взялъ затѣмъ Солнцева подъ руку и приказалъ объяснять все, достойное вниманія».

Въ домѣ Оленина Солнцевъ познакомился съ Пушкинымъ, Жуковскимъ, Гнѣдичемъ, Крыловымъ, живописцемъ Брюловымъ. Съ послѣднимъ онъ

ѣздилъ во Псковъ, когда Брюловъ собиралъ матеріалы для своей неоконченной картины «Осада Пскова», находящейся въ Петербургѣ въ русскомъ музеѣ имени Императора Александра III. «Брюловъ держалъ себя у губернатора совершенно свободно, рисовалъ съ его дочерьми, шутилъ и проч.»,—разсказывалъ Солнцевъ.—«Такъ начали мы проводить время. Брюлову это было на руку, а мнѣ не совсѣмъ нравилось. Поэтому я рѣшилъ приняться за дѣло: вѣдь не для хожденія же по гостямъ пріѣхали мы во Псковъ! Разъ какъ-то вечеромъ Брюлову нездоровилось: я поставилъ ему горчичникъ и уложилъ спать. Желая воспользоваться этимъ временемъ, я пошелъ рисовать извѣстный въ стѣнѣ проломъ Баторія *). Черезъ нѣсколько времени прибѣжалъ ко мнѣ Брюловъ и съ упрекомъ сказалъ:

— Какъ не стыдно оставлять больного человѣка!

— Надо же когда-нибудь и дѣломъ заняться,— замѣтилъ я.

— Дѣло не уйдетъ: вѣдь не къ спѣху.

Пришлось возвратиться домой.

Что можно было рисовать украдкой отъ Брюлова,—я рисовалъ. Брюловъ же большею частью былъ нездоровъ. Поэтому онъ почти ничего не сдѣлалъ для своей картины. Пачкалъ только что-то карандашомъ и съ тѣмъ уѣхалъ въ Петербургъ.

---

*) Имя польскаго короля, осаждавшаго Псковъ въ XVI вѣкѣ.

Для выполненія задуманной картины, Брюловъ читалъ главнымъ образомъ «Исторію Государства Россійскаго» Карамзина, но эта «Исторія» ему не нравилась. Я посовѣтовалъ ему прочитать извѣстную «Исторію Пскова», сочиненіе митрополита Евгенія (Болховитинова). Брюловъ пришелъ въ восхищеніе, когда прочелъ описаніе крестнаго хода во время штурма Баторіемъ стѣнъ Пскова; особенно понравилось ему, что впереди всѣхъ ѣдетъ монахъ верхомъ на лошади. Брюловъ принялся писать картину. Когда онъ ее почти окончилъ, то я, случайно зайдя къ нему, на вопросъ Карла Павловича,—какъ мнѣ она нравится,—замѣтилъ:

— Крестный ходъ превосходенъ, но гдѣ же «осада Пскова»?

Брюловъ задумался, ничего не сказалъ и, кажется, съ тѣхъ поръ совершенно оставилъ картину, хотя впослѣдствіи и говорилъ:

— Я подумаю, какъ бы изобразить осаду.

Мы не будемъ подробно излагать событія жизни Солнцева. Въ запискахъ о своей жизни онъ самъ разсказалъ много интересныхъ случаевъ изъ прошлаго и художественной дѣятельности. Изъ записокъ Солнцева мы видимъ, что онъ былъ не только простой рисовальщикъ. Прежде всего, въ немъ виденъ строгій историкъ, безошибочный изслѣдователь и проникновенный знатокъ древностей. Онъ такъ хорошо зналъ и понималъ древности, что не разъ указывалъ ошибки, сдѣланныя извѣстными историками. Внимательно раз-

сматривая вещи, Солнцевъ не разъ отыскивалъ записи, пропущенныя или не замѣченныя прежними изслѣдователями. Кромѣ того, ему удавалось видѣть древностей больше, чѣмъ другимъ ученымъ. Съ этой цѣлью онъ поступалъ слѣдующимъ образомъ. Когда онъ пріѣзжалъ въ какой-нибудь монастырь, то не показывалъ монахамъ предписаній духовнаго начальства о своей командировкѣ, потому что простоватые иноки пугались каждаго «чиновника» и иногда скрывали старинные предметы. Солнцевъ пріѣзжалъ подъ видомъ простого богомольца, интересующагося стариной. Проживъ нѣсколько дней въ монастырѣ, посѣщая всѣ службы и обѣдая за общей трапезой,—онъ начиналъ свое рисованіе обыкновенно съ портретовъ игумена, казначея, ризничаго. Въ благодарность за это, ему позволяли безпрепятственно срисовывать уже и со старинныхъ вещей, конечно, ничего не скрывая. Благодаря этому, въ теченіе полувѣковой дѣятельности Солнцева накопилось болѣе трехъ тысячъ рисунковъ, сдѣланныхъ иногда съ такихъ вещей, которыя въ настоящее время по какимъ-нибудь причинамъ утеряны. Это еще болѣе увеличиваетъ цѣнность означенныхъ правдивыхъ рисунковъ.

Въ 1876 году праздновали 50-ти-лѣтіе художественно-научной дѣятельности Солнцева, и Русское Археологическое Общество отчеканило въ честь его золотую медаль. Какъ мы сказали раньше, Государь Императоръ Николай Павловичъ любилъ

Св. Владиміръ Равноапостольный, Великій князь Кіевскій.

Рисунокъ въ старинномъ русскомъ стилѣ, исполненный по образцу работъ академика Ѳ. Г. Солнцева.

неутомимаго художника. Онъ заботился о его здоровьѣ, не разъ спрашивалъ, не вліяютъ ли усиленныя работы на его зрѣніе, и впослѣдствіи назначилъ ему пожизненную пенсію изъ личныхъ суммъ. Умеръ Солнцевъ 3 марта 1892 года девяносто одного года отъ роду. Успѣхъ и жизненная удача не испортили Солнцева. До конца жизни онъ оставался скромнымъ труженикомъ: *жить* значило для него—*трудиться*.

«Какъ сейчасъ вижу предъ собой сухощавую, невысокую, сгорбленную фигуру Θеодора Григорьевича, съ добродушнымъ выраженіемъ лица, кроткими глазами, серебристою, рѣдкою, но довольно длинною бородой и зачесанными назадъ остатками серебристыхъ волосъ»,—вспоминалъ А. Половцевъ.—«Деликатность и скромность его были изумительны. Онъ почти терялся, когда начинали говорить объ его огромныхъ художественныхъ и историческихъ заслугахъ, а между тѣмъ, болѣе полувѣка было употреблено имъ на то, чтобы спасать и сохранять въ художественныхъ произведеніяхъ драгоцѣннѣйшіе образы русскаго искусства и быта».

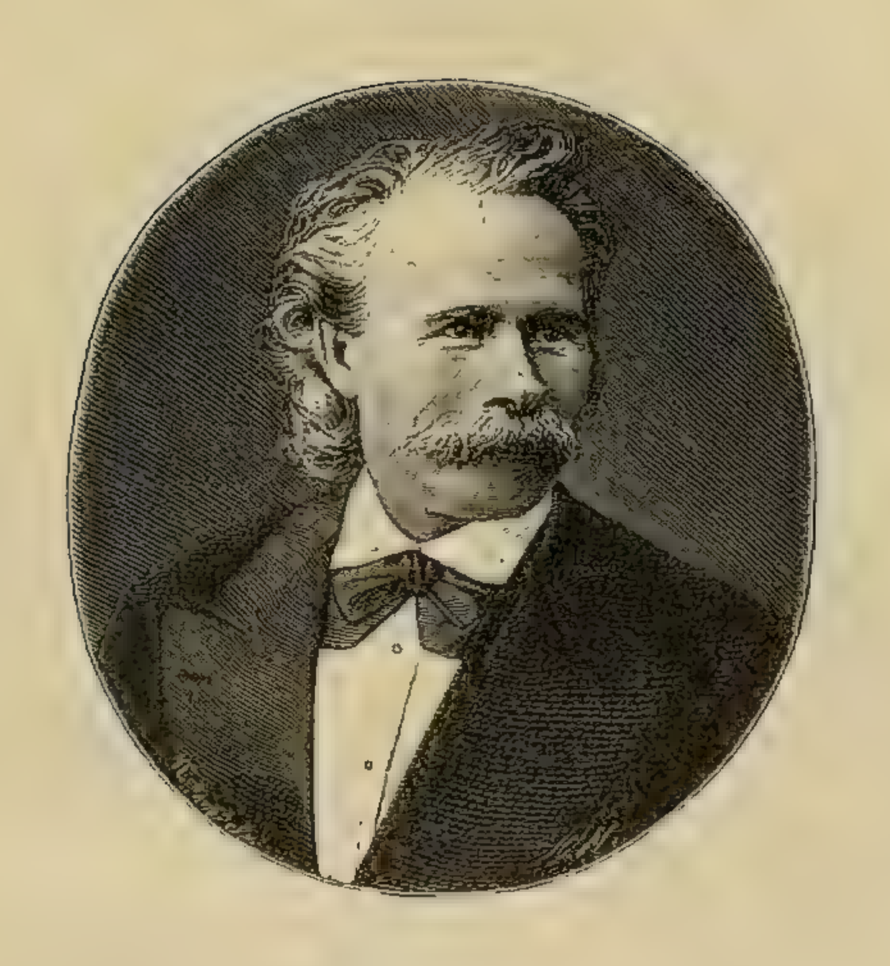
Заслуги Солнцева огромны.

«Нельзя обойти молчаніемъ тѣхъ благотворныхъ послѣдствій, которыя оказали и продолжаютъ оказывать произведенія Солнцева на изящныя художества и на развитіе у насъ въ Россіи нѣкоторыхъ ремеслъ»,—говоритъ М. И. Семевскій, редакторъ «Русской Старины», гдѣ Солнцевъ напечаталъ описаніе своей жизни.—«Безъ справокъ

съ изданіемъ «Древностей Россійскаго Государства» не можетъ обойтись ни художникъ-иконописецъ, ни живописецъ историческій; не минуетъ рисунковъ Солнцева своимъ вниманіемъ зодчій, желающій строить въ чисто-русскомъ стилѣ, который возобновленъ у насъ, по волѣ Императора Николая I, восхищеннаго видами зданій нашихъ древнихъ храмовъ въ рисункахъ того же Солнцева. Для писателя исторической повѣсти «Древности» Солнцева—живописныя сокровища предметовъ внѣшней, бытовой обстановки удѣльно-вѣчевой и московско-царской до-петровской Руси во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ. Для отечественнаго театра донынѣ изданное собраніе рисунковъ Солнцева—надежнѣйшее руководство при постановкѣ пьесъ изъ отечественной исторіи. Переходя отъ изящныхъ художествъ къ мастерствамъ столярному, токарному, гончарному, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ и другимъ,—видимъ, что они, благодаря трудамъ того же Солнцева, возросли до высоты народныхъ художествъ, именно потому, что наши русскіе мастера, отрѣшившись отъ слѣпого подражанія иноземнымъ образцамъ, обратились къ своимъ отечественнымъ, и поняли, наконецъ, что своеобразный русскій стиль, завѣщанный намъ стариной, можетъ зачастую спорить со стилями, заимствованными у иноземцевъ. Снискавшіе извѣстность серебряными издѣліями, Сазиковъ, Овчинниковъ, Хлѣбниковъ, Грачевъ и другіе московскіе золотыхъ дѣлъ мастера обязаны

своей извѣстностью тому же русскому стилю. Короче сказать, рисунки Солнцева, въ научномъ и художественномъ отношеніяхъ, это—живописная лѣтопись древней Руси, источникъ возрожденія отечественнаго стиля, который съ каждымъ годомъ ярче и ярче проявляется у насъ въ произведеніяхъ зодчества, ваянія и ремеслахъ. И если Карамзинъ въ лѣтописяхъ и другихъ древнихъ памятникахъ нашего отечества обрѣлъ живые краски для слога своей исторіи; если Пушкинъ въ народныхъ нашихъ сказкахъ нашелъ живую, свѣжую струю, которою обновилъ языкъ отечественной поэзіи,—то скромный дѣятель на своемъ поприщѣ, художникъ Солнцевъ, путемъ своихъ изысканій напалъ на неистощимый родникъ родного искусства, а произведеніями своими пробудилъ въ русскихъ художникахъ чувство народнаго самосознанія и уваженія къ образцамъ, завѣщаннымъ намъ предками».

Лаврентій Авксентьевичъ Сѣряковъ,

рисовальщикъ—граверъ (1824—1887).

Лаврентій Авксентьевичъ Сѣряковъ,

рисовальщикъ—граверъ (1824—1887).

«Тотъ, кто твердо рѣшился добиться высокой степени совершенства въ живописи или въ какомъ-нибудь другомъ искусствѣ,—долженъ всегда помнить, что это возможно лишь посредствомъ упорнаго труда. Съ этою мыслью онъ долженъ вставать рано утромъ и ложиться спать позднимъ вечеромъ».

Д. Рейнольдсъ.

Каждый читатель видалъ картинки въ книгахъ, или «иллюстраціи», но не каждый знаетъ, сколько нужно времени, умѣнія и труда для того, чтобы приготовить и напечатать ихъ.

Если посмотрѣть на такой рисунокъ черезъ увеличительное стекло, то нетрудно замѣтить мелкія черточки, которыя называются «штрихами». Весь рисунокъ состоитъ изъ такихъ черточекъ. Сначала ихъ надо нарисовать на доскѣ изъ твердаго дерева, мѣди или стали, а затѣмъ вырѣзать. Работа эта требуетъ усидчивости, знанія и осторожности: стóитъ сдѣлать самую небольшую ошибку, едва замѣтную на глазъ, и рисунокъ выйдетъ невѣрный. Поэтому мастера, изготовляющіе такія доски для рисунковъ (называются онѣ «клише»), должны быть искусны въ рисованіи и работать все время

съ увеличительнымъ стекломъ въ глазу, какъ и часовые мастера. Затѣмъ нарѣзанная доска покрывается черной краской, и съ нея на бумагѣ оттискивается рисунокъ для книги. Сколько разъ мы положимъ доску на чистую бумагу, или бумагу на доску,—столько будетъ у насъ и картинъ. Такимъ образомъ ихъ можно получить очень много *).

Ясность отпечатанныхъ картинъ зависитъ отъ того, хорошо или плохо сдѣланъ рисунокъ на доскѣ. Тѣ люди, которые занимаются этимъ дѣломъ, называются граверами, а ремесло ихъ—гравированіемъ.

Долгое время русскіе не умѣли хорошо вырѣзывать на мѣди или деревѣ рисунковъ и передавать ихъ на бумагу, хотя у насъ было немало хорошихъ художниковъ,—и заказы на картины для книгъ выполнялись мастерами чужихъ странъ. Русскимъ часто приходилось переплачивать много денегъ, при покупкѣ въ чужихъ краяхъ разныхъ машинъ и вещей, которыхъ не умѣли дѣлать въ Россіи. Поэтому тѣ русскіе люди, которые въ какомъ либо ремеслѣ превосходятъ заграничныхъ мастеровъ, или же могутъ замѣнить ихъ, заслуживаютъ большого уваженія съ нашей стороны. Благодаря имъ,

---

*) Подробное описаніе искусства гравированія читатели могутъ найти въ книжкѣ А. Бахтіарова: «Какъ печатаютъ иллюстраціи. Техническій очеркъ графическихъ искусствъ». (Безплатное приложеніе къ журналу «Народное Образованіе» за октябрь 1906 года. «Школьная Библіотека», книжка 48-я).

намъ не приходится заказывать тѣ или иныя вещи въ чужихъ странахъ и переплачивать деньги, и такимъ образомъ мы даемъ заработокъ русскимъ мастерамъ. Это само по себѣ понятно и не нуждается въ подробномъ поясненіи.

Граверъ за работой.

Теперь намъ понятно и то, почему русскій художникъ, достигшій умѣнія вырѣзывать на доскахъ картинки для печатанія ихъ не хуже, чѣмъ это дѣлаютъ иностранцы,—заслуживаетъ величайшаго уваженія на ряду со всѣми другими, ра-

ботавшими на благо Россіи и помогшими русскому народу не уступать иностранцамъ въ разныхъ ремеслахъ.

Этимъ художникомъ былъ крестьянинъ по происхожденію, Лаврентій Авксентьевичъ Сѣряковъ, своими трудами достигшій почета и виднаго положенія. Родился онъ 28 января 1824 года въ селѣ Холоповѣ Солигаличскаго уѣзда, Костромской губерніи. Много невзгодъ пришлось вынести въ жизни Сѣрякову прежде, чѣмъ выйти на широкую дорогу и достичь успѣха. Его дѣтство было печальное: отецъ его, солдатъ, по выходѣ въ отставку занялся слесарнымъ ремесломъ, любилъ выпить, и мальчику часто доставались отъ него колотушки. На его счастье, матушка у него была добрая. Любя своего единственнаго сына, она позаботилась выучить мальчика читать и писать. Грамота прежде всего и помогла Сѣрякову сдѣлаться впослѣдствіи извѣстнымъ человѣкомъ.

Господь надѣлилъ мальчика хорошимъ голосомъ, и онъ былъ взятъ въ пѣвчіе въ мѣстный полкъ. Скоро ему пришлось покинуть родныя мѣста и любимую матушку. Вмѣстѣ съ полкомъ и хоромъ пѣвчихъ его перевели въ городъ Псковъ, причемъ маленькому мальчику пришлось пройти пѣшкомъ 90 верстъ. Еще хуже стало жить Лаврентію въ новомъ мѣстѣ, въ разлукѣ съ матерью, которую онъ крѣпко любилъ и уважалъ.

Поселился онъ не въ самомъ городѣ, а близъ него, въ деревнѣ, и къ каждой службѣ дѣлалъ

пѣшкомъ нѣсколько верстъ. Особенно плохо было зимой. На дворѣ холодъ, метель, а маленькому пѣвчему въ плохихъ сапожонкахъ приходилось два раза въ день ходить въ городъ... Крѣпко доставалось Лаврентію отъ старика-мороза.

Скоро въ жизни Сѣрякова произошла перемѣна. Взрослые пѣвчіе были зачислены въ солдаты, а мальчиковъ отправили домой. Пришлось опять пройти ему немало верстъ въ Порховъ, гдѣ поселилась его мать. Сначала Сѣрякова сдѣлали музыкантомъ и заставили учиться играть на трубѣ, да у него была слабая грудь, а съ нею—плохой вышелъ бы изъ него музыкантъ. Тогда Лаврентія опредѣлили въ солдатскую школу и сдѣлали писцомъ. Много пришлось въ это время работать Сѣрякову: и ходить на солдатское ученіе, и пѣть, и переписывать бумаги. Но вотъ, окончилось ученіе въ школѣ, и Лаврентія сдѣлали учителемъ. Жалованье ему было положено 12 рублей въ годъ. Въ это время еще больше пришлось трудиться Сѣрякову.

Еще мальчикомъ онъ любилъ рисовать картинки и съ каждымъ днемъ рисовалъ все лучше. Бывало, приступятъ товарищи:—«Нарисуй картинку». Лаврентій исполнялъ ихъ просьбу. Его картинки относились товарищами домой и развѣшивались ими на стѣнкахъ. Уже тогда онѣ были не въ примѣръ лучше тѣхъ, которыя продавались на рынкѣ, хотя тѣ были раскрашены, а эти рисованы однимъ карандашомъ.

Умѣя хорошо рисовать, Лаврентій и писать умѣлъ красиво, надъ чѣмъ много трудился.

— Да тебѣ, Лаврентій Авксентьевичъ,—говорили знакомые,—въ Петербургѣ бы служить; Государевы бумаги писать: ужъ больно ты красиво пишешь. Послалъ бы ты въ Питеръ письмо, посмотрѣли бы, какой ты мастеръ по этой части. Ча́й, не много такихъ искусниковъ тамъ.

Но скромный человѣкъ былъ Сѣряковъ, все не рѣшался послать письма въ Петербургъ.—«Гдѣ мнѣ угоняться за питерскими писарями?»—думалъ онъ.—«Они, поди, пишутъ, хоть куда. Да и кому пошлю?» Долго думалъ Сѣряковъ, наконецъ, вспомнилъ, что въ Петербургѣ у него есть знакомый писарь. Написалъ это ему письмо, да все не рѣшается отправить.—«Куда мнѣ»,—думаетъ,—«еще засмѣютъ: вотъ, молъ, какой дуракъ, въ Питеръ лѣзетъ!»

Уже порѣшитъ не отправлять, да и придетъ мысль:

— А что, если и впрямь понравится въ Питерѣ мое письмо?

И началъ Сѣряковъ еще больше трудиться. Все рисуетъ и пишетъ. Долго думалъ онъ надъ письмомъ, наконецъ, рѣшился и послалъ. И съ этого дня стало у него на душѣ неспокойно. Ходитъ самъ не свой, все ждетъ отвѣта.

Въ одинъ вечеръ сидитъ Сѣряковъ печальный да думаетъ, что-то отвѣтятъ изъ Петербурга,—какъ приходитъ почта, и ему подаютъ письмо изъ

столицы. Беретъ письмо Сѣряковъ, а руки такъ и дрожатъ. Распечаталъ письмо, читаетъ и самъ не вѣритъ глазамъ. Знакомый писарь пишетъ, что показалъ письмо своему начальству, почеркъ понравился, и теперь Сѣрякова зовутъ въ Питеръ. Обрадовался Лаврентій, просіялъ весь, пріободрился, на душѣ легко стало. Народъ сталъ съ уваженіемъ относиться къ нему, какъ узналъ, что Сѣрякову мѣсто въ Петербургѣ открылось, что его письмо понравилось въ столицѣ.

Распрощался Сѣряковъ съ матушкой, да не медля и отправился въ путь—дорогу. Хотя писалъ онъ красиво, но пришлось ему много бѣдствовать въ Петербургѣ: жалованье было положено ему малое. Часто приходилось Сѣрякову по ночамъ дежурить въ той комнатѣ, гдѣ писали писаря. Чтобы не заснуть, что̀ строго запрещалось военными законами, онъ рисовалъ. Въ трудѣ незамѣтно и проходила ночь.

Въ одно изъ дежурствъ Сѣряковъ заработался такъ, что не замѣтилъ, какъ вошелъ полковникъ Поповъ, начальникъ военныхъ рисовальщиковъ, такъ-называемыхъ топографовъ, т. е. тѣхъ, что̀ планы мѣстностей рисуютъ. Увидавъ не вставшаго при его приходѣ писаря, полковникъ разсердился и грозно спросилъ:

— Что ты здѣсь дѣлаешь?

— Рисую, ваше высокоблагородіе,—отвѣтилъ, вскочивъ съ мѣста, Сѣряковъ.

Полковникъ посмотрѣлъ на бумагу. Работа пи-

саря понравилась ему такъ, что у него прошелъ гнѣвъ, и онъ ласково сказалъ ему:

— Молодецъ. Да ты рисуешь хоть куда! Я тебя возьму къ себѣ.

Обрадовался Сѣряковъ, поблагодарилъ полковника.

Чтобы быть военнымъ рисовальщикомъ, Лаврентію надо было узнать многія науки. Прилежно засѣлъ онъ за книги, учился цѣлые дни. Наконецъ, прошелъ курсъ наукъ, выдержалъ испытаніе и сдѣлался военнымъ рисовальщикомъ. Но съ этой перемѣной денежныя дѣла Сѣрякова поправились мало. Чтобы добывать себѣ и пріѣхавшей матушкѣ средства для жизни, онъ поступилъ въ дворники и получилъ за службу даровое помѣщеніе. Впрочемъ и на этомъ мѣстѣ Лаврентій не забывалъ своего любимаго занятія—рисованія.

Однажды, разсматривая рисунокъ, сдѣланный въ книгѣ, Сѣряковъ задумался надъ тѣмъ, какъ это дѣлается, что въ книгѣ получается картинка. Долго думалъ онъ надъ этимъ, наконецъ, самостоятельно догадался, что, должно быть, сначала вырѣзываютъ рисунокъ на доскѣ, а потомъ накладываютъ на бумагу. Додумавшись до этого, Сѣряковъ раздобылъ подходящую доску и сталъ перочиннымъ ножомъ вырѣзывать на ней рисунокъ. Усидчиво сидѣлъ онъ надъ работой, все старался, чтобы она вышла лучше.

Бывало, матушка увидитъ, что сынъ все тру-

дится надъ работой, а дѣло подвигается впередъ медленно, и скажетъ:

— Да ты, Лавруша, узналъ бы у свѣдущихъ людей, какъ это дѣлается.

Но Сѣряковъ и слышать этого не хотѣлъ.

— Добьюсь своимъ умомъ,—отвѣчалъ онъ.

Долго работалъ Сѣряковъ, наконецъ, добился своего и вырѣзалъ рисунокъ. Со вторымъ дѣло пошло скорѣе и лучше, а потомъ пошло и совсѣмъ хорошо.

Разъ какъ-то случайно его работы увидалъ одинъ учитель, по фамиліи Студицкій.

— Да ваши работы не уступятъ заграничнымъ мастерамъ,—сказалъ онъ Сѣрякову и тутъ же заказалъ ему 15 картинокъ для одной дѣтской книжки.

Съ усердіемъ принялся Сѣряковъ выполнять первый заказъ, день и ночь сидѣлъ надъ нимъ! Да бѣда—дворницкія обязанности оставляли мало досужнаго времени. Скоро заказъ былъ готовъ, понравился заказчику, и Сѣряковъ пріобрѣлъ за работу 75 рублей, деньги для него, по тому времени, большія.

Первая удача еще болѣе пріохотила его къ этому дѣлу, и онъ, чтобы имѣть больше досуга, бросилъ дворницкое дѣло и сталъ жить на заработанныя деньги.

Разъ пришлось Сѣрякову выполнить работу для князя Одоевскаго, который писалъ разные разсказы и хорошія дѣтскія сказки. Это—извѣст-

ныя «Сказки дѣдушки Иринея». Когда князь увидалъ выполненный Сѣряковымъ заказъ, то позвалъ свою жену и сказалъ ей:

— Мы, вотъ, заказываемъ картинки для моихъ книгъ въ чужихъ странахъ, а посмотри, какой у насъ въ Россіи есть мастеръ!

Одоевскій обласкалъ Сѣрякова и познакомилъ его съ однимъ писателемъ, Кукольникомъ, который издавалъ журналъ, т. е. книгу, выходящую черезъ нѣкоторое время, съ разсказами и статьями разныхъ писателей. У Кукольника Сѣряковъ получилъ много работы и немного поправилъ свои денежныя дѣла. И вотъ задумалъ Сѣряковъ поступить въ Академію Художествъ. Но солдату нельзя было поступить туда. Къ счастью Сѣрякова, Кукульникъ написалъ прошеніе Государю Императору, прося Государя разрѣшить Сѣрякову, въ виду его способностей, поступить въ высшую художественную школу. Государь написалъ на прошеніи: «Согласенъ».

Послѣ того, какъ Сѣряковъ поступилъ въ эту школу, работы его стали еще лучше: онѣ не уступали работамъ заграничныхъ мастеровъ. Мало по малу, молва о даровитомъ граверѣ распространилась по Петербургу, и многіе важные люди пожелали познакомиться съ Сѣряковымъ.

Разъ, зайдя въ одинъ магазинъ картинъ, онъ встрѣтилъ своего перваго заказчика, учителя Студицкаго, и разговорился съ нимъ. Въ это время вошелъ офицеръ, знакомый учителю. Они разго-

ворились, и офицеръ сказалъ учителю, что ему нравятся очень работы Сѣрякова.

— Кто такой этотъ Сѣряковъ?—спросилъ офицеръ.

— Молодой еще человѣкъ,—отвѣтилъ учитель, лукаво смотря на Сѣрякова.

— Я хотѣлъ бы познакомится съ нимъ,—сказалъ офицеръ.

Академія Художествъ въ С.-Петербургѣ.

— Для этого вамъ нужно только повернуться,—отвѣтилъ учитель и указалъ на Сѣрякова.

Офицеръ оказался барономъ Клодтомъ, извѣстной тогда личностью въ Петербургѣ. Онъ познакомилъ Сѣрякова со многими художниками.

Въ 1852 году Сѣряковъ изобразилъ на деревѣ голову старика. Эта работа обратила на себя вни-

маніе Государя Императора Николая Павловича, и онъ сказалъ про молодого гравера:

— Надо его поддержать.

Государь положилъ Сѣрякову 150 рублей жалованья. Когда же нашъ художникъ задумалъ изобразить на деревѣ картину—«Невѣріе апостола Ѳомы», то Императоръ вновь пожаловалъ ему 500 рублей. Черезъ годъ работа была исполнена, притомъ такъ хорошо, что оставляла за собою работы англійскихъ граверовъ, которые въ тѣ времена считались лучшими.

Вскорѣ Сѣряковъ отправился въ чужіе края посмотрѣть, какъ тамъ работаютъ, и поучиться тому, что̀ самъ зналъ плохо. Объѣхавъ многія страны, онъ вернулся домой и привезъ съ собою много новыхъ работъ. За эти работы Сѣряковъ получилъ званіе «академика», а Государь Императоръ Александръ Николаевичъ пожаловалъ ему еще болѣе рѣдкое отличіе—званіе «гравера Его Императорскаго Величества»,—какъ было сказано въ Царской грамотѣ,—«во вниманіе къ заслугамъ по усовершенствованію въ Россіи гравированія по дереву».

Въ послѣдніе годы своей жизни, Сѣряковъ достигъ большой славы и общаго уваженія. Умеръ онъ въ 1887 году.

Такъ совимъ трудомъ и непреклонной настойчивостью Сѣряковъ изъ бѣднаго мальчика-пѣвчаго, ходившаго въ стужу въ рваныхъ сапогахъ, обратился въ академика.

Это показываетъ справедливость русской пословицы: «терпѣніе и трудъ—все перетрутъ».

Выйдя въ академики, Сѣряковъ не переставалъ любить простой народъ, къ которому принадлежалъ по рожденію, и всегда поддерживалъ тѣхъ изъ крестьянъ, которые стремились принести пользу родному искусству.

По словамъ людей, которые знали Сѣрякова, это былъ человѣкъ не только большого трудолюбія, но и доброй души, отзывчивый къ человѣческому горю и несчастіямъ. Желая, чтобы въ Россіи распространилось дѣло художественнаго гравированія по дереву такъ, чтобы намъ не надо было дѣлать заказы заграницей,—Сѣряковъ основалъ школу, гдѣ обучали этому дѣлу. Изъ этой школы вышло много хорошихъ работниковъ, продолжавшихъ трудиться и въ послѣдующее время.

При знакомствѣ съ жизнеописаніями такихъ людей, какъ Сѣряковъ, вспоминаются знаменательныя, исполненныя правды слова нашего баснописца И. А. Крылова:

И тотъ почтенъ, кто, въ низости сокрытый,
За всѣ труды, за весь потерянный покой
Ни славою, ни почестьми не льстится,
А мыслью оживленъ одной:
Что къ пользѣ общей онъ стремится.

Изданія Училищнаго при Святѣйшемъ Сунодѣ Совѣта.

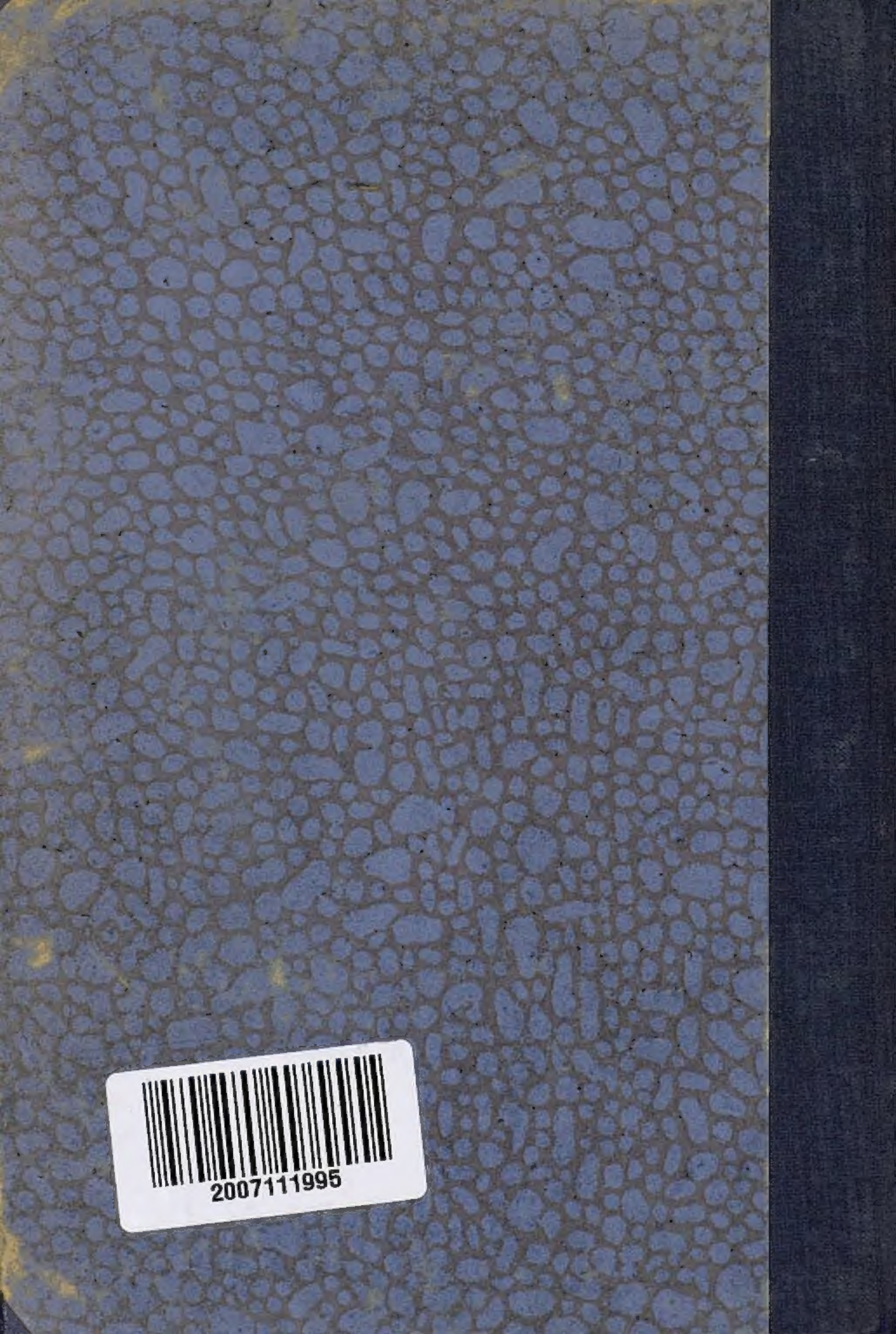
I. Учебныя руководства и пособія.

1) **Евангеліе** на слав. яз. въ бум. 20 к.—2) **Краткій молитвословъ** на слав. яз., въ бум. 4 к.—3) **Псалтирь учебная**, въ бум. 25 к.—4) **Часословъ учебный для начальныхъ сельскихъ училищъ**, въ бум. 20 к.—5) **Октоихъ**, сирѣчь осмогласникъ учебный, обдержай воскресную службу осьми гласовъ, въ бум. 20 к.—6) **Церковно-славянская азбука.** Руководство для церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты. Сост. *Н. И. Ильминскій*: книжка первая, для учителей, въ бум. 12 к.; книжка вторая, для учениковъ, въ бум. 8 к.—**Двѣ таблицы буквъ** къ азбукѣ, 5 к.—7) **Обученіе церковно-славянской грамотѣ** въ церковно-приходскихъ школахъ и начальн. училищ. съ примѣрами для чтенія изъ Св. Писанія и изъ молитвъ и съ объяснен. для учителей. Сост. *Н. И. Ильминскій*. Книжка первая, для учителей, въ бум. 15 к.; книжка вторая для учениковъ, ц. въ бум. 20 к.—8) *Тернавцевъ В.* **Наша школа.** Годъ первый. Букварь и первое чтеніе, ц. 30 к. Книга вторая для чтенія, ц. 25 к.—9) *Кл. Лукашевичъ.* **Сѣятель.** Азбука и первое чтеніе, ц. 25 к.—10) Ея же. **Сѣятель.** Первая послѣ азбуки книга для чтенія, ц. 35 к.—11) Ея же. **Сѣятель. Второй годъ обученія**, ц. въ бум. 40 к.—12) *Ея же.* **Сѣятель.** Третій (и четвертый) годъ обученія, ц. 60 к.—13) *Крупская М.* **Букварь**, ц. 12 к.—14) *Н. Ѳ. Одинцовъ* и *В. С. Богоявленскій.* **Книга вторая для чтенія въ церковно-приходскихъ школахъ**, въ бум. 35 к., въ пер. 45 к.—15) *М. Нарскій.* **Ручеекъ.** Книжка для чтенія ц. 40 к. 16) Его же. **Ручеекъ.** Букварь. ц. 7 к. 17) **Начальные уроки по Закону Божію.** *П. С.* въ бум. 5 к.—18) **Историческія чтенія изъ книгъ Ветхаго Завѣта** (на рус. яз.), въ бум. 15 к.—То же, на слав. яз., ц. въ бум. 20 к.—19) **Начатки христіанскаго ученія**, ц. 6 к.—20) Прот. *П. Смирновъ.* **Наставленіе въ Законѣ Божіемъ**, въ бум. 15 к., въ пер. 25 к.—21) Еписк. *Агаѳодоръ.* **Наставленіе въ Законѣ Божіемъ**, ц. 15 к.—22) **О богослуженіи православной Церкви.**—Епископа *Гермогена*, въ бум. 20 к.—23) *Титовъ Ѳ.*, прот. **Отечественная исторія** церковная и гражданская, ц. 80 к.—24) **Обиходъ учебный нотнаго пѣнія** употребительныхъ церковныхъ распѣвовъ, ц. 60 к.—25) **Краткое руководство къ** первоначальн. изученію **церковнаго пѣнія** по квадратной нотѣ. Сост. *Д. Н. Соловьевъ*, въ бум. 25 к.—26) **Азбука** хорового **пѣнія**, съ практическими упражненіями и краткою христоматіею. Сост. *Д. Н. Соловьевъ*, въ бум. 50 к.—27) *Касторскій.* **Первыя ступени обученія пѣнію**, ц. 20 к.—28) *Цвѣтковъ.* **Методическія замѣтки** о рѣшеніи ариѳметическихъ задачъ и новая систематизація задачъ, ц. 15 к.—29) Его же. **Методическій сборникъ** ариѳметическихъ примѣровъ и задачъ. Первый годъ обученія, ц. 10 к. Второй годъ—ц. 15 к. Третій годъ—ц. 10 к.—30) **Русскія прописи** для церковно-приходскихъ школъ, ц. 10 к.—31) **1001 задача для умственнаго счета.** Пособіе для учителей сельскихъ школъ. Сост. *С. А. Рачинскій.* Спб. 1899, въ бум., ц. 15 к.—32) **Программы для школъ:** а) церковно-приходскихъ, ц. 15 к., б) второклассныхъ, ц. 20 к. и в) церковно-учительскихъ, ц. 25 к.—33) **Правила и программы** испытаній по духовному вѣдомству на званіе учителя или учительницы одноклассной церковно-приходской школы въ бум., ц. 5 к.—34) *Михалевъ*, свящ. **Диктанты**, ц. 25 к. 35) **Правила для церковно-учительской школы**, ц. 5 к. 36) **Правила для второклассной школы**, ц. 5 к. 37) **О мѣрахъ къ улучшенію учебно-воспитательнаго дѣла въ инородческихъ** ц.-пр. школахъ, ц. 5 к.

II. Книги для внѣ-класснаго чтенія.

38) **Училище благочестія** или примѣры христіанскихъ добродѣтелей, выбранные изъ житій святыхъ. Съ 18 рис., исполненными художникомъ *А. В. Серебряковымъ.* Спб. Стр. 1—550, въ бум. 90 к.—39) Изъ твореній св. Василія Великаго, архіепископа Кесаріи Каппадокійской. **Правила богоугодной жизни.** Въ новомъ переводѣ съ греческаго. Съ приложеніемъ краткаго жизнеописанія св. Василія, Спб. 1900. Стр. 1—152, въ бум. 30 к.—40) **Поученія и слово** въ недѣлю Ѳомину.—Протоіерея *І. И. Сергіева.* Спб. 1900. Стр. 1—20, въ бум. 5 к.—41) **Слова и поученія** въ недѣлю о слѣпомъ. Его же. Спб. 1903, стр. 1—15, въ бум. 5 к.—42) **Слова и поученія** въ недѣлю святыхъ женъ мѵроносицъ. Его же. Спб. 1903. Стр. 1—17, въ бум. 5 к.—43) **Слова и поученія** въ недѣлю о самарянынѣ. Его же. Спб. 1903. Стр. 1—24, въ бум. 5 к.—44) **Слова** въ недѣлю святыхъ отецъ. Его же. Спб. 1903. Стр. 1—26, въ бум. 5 к.—45) **Слова** въ недѣлю о разслабленномъ. Его же. Спб. 1903. Стр. 1—10, въ бум. 5 к.—46) **Бесѣды** о блаженствахъ Евангельскихъ. Его же. Спб. 1899. Стр. 1—79, въ бум. 15 к.—47) **Бесѣды** о Богѣ, Творцѣ и Промыслителѣ міра. Его же. Спб. 1900. Стр. 1—149, въ бум. 20 к.—48) **Св. Игнатій** Богоносецъ 6 к.—49) **Св. Поликарпъ**, епископъ Смирнскій, 6 к.—50) **Св. Іустинъ** Философъ, 6 к.—51) **Св. Поѳинъ** и Ліонскіе мученики. 4 к.—52) **Св. Кипріанъ**, епископъ Карѳагенскій. 8 к.—53) Святые

епископы: Петръ Александрійскій и Меѳодій Тирскій, 8 к.—54) Святый великомученикъ Георгій, 6 к.—55) Фабіола или катакомбы. Сочин. кардинала *Уайзмена.* Переводъ съ англійскаго. Ц. 60 к.—56) *Иннокентій,* арх. Херсонскій. Послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа, ц. 60 к.—57) Его же. Первая седмица Великаго поста, ц. 25 к.—58) Его же. Молитва святаго Ефрема Сирина. 15 к.—59) Его же. Страстная седмица Великаго поста, ц. 35 к.—60) Его же. Свѣтлая седмица, ц. 30 к.—61) Краткое сказаніе о жизни и трудахъ св. славянскихъ учителей Кирилла и Меѳодія. Съ рис. и нотн. перелож. тропаря и кондака. Сост. *Х. Поповъ,* 5 к.—62) Насажденіе православной христіанской вѣры въ Россіи (980—1200 г.) Спб. 1898. Стр. 1—102. 25 к.—63) Бесѣды по русской исторіи. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Изданіе третье. Спб. 1899. Стр. 1—449. 60 к.—64) Бояринъ Лукьянъ Степановичъ Стрѣшневъ (Филаретъ Милостивый на Святой Руси). Прот. *М. И. Хитрова.* 15 к.—65) *Гречулевичъ.* Праздники Богородичные. Ц. 12 к.—66) Приключенія Оливера Твиста. Соч. *Диккенса.* Перев. съ англійск. школьн. изданія. Ц. 40 к.—67) Сельская школа. Сборникъ статей *С. А. Рачинскаго.* Изданіе 5-е. Спб. 1902 г. Стр. 1—371, въ пер. Ц. 1 р.—68) *Рачинскій, С. А.* Школьный походъ въ Нилову пустынь. Ц. 15 к.—69) *Черепнинъ, П.* Объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Ц. 12 к. 70) *Вадковскій, С.* Бесѣды о пользѣ пчеловодства. Ц. 8 к.—71) Избранныя сочиненія *В. А. Жуковскаго.* Ц. 45 к.—72) Мысли о воспитаніи и ученіи. Спб. 1898. Ц. 5 к.—73) Школьная библіотека и ея порядки (со списками книгъ для библіотекъ церковно-приходскихъ школъ). 3 к.—74) Сборникъ методическихъ разъясненій. Ц. 60 к.—75) *Загоскинъ.* Юрій Милославскій. Ц. 50 к.—76) Его же. Кузьма Рощинъ. Ц. 15 к.—77) Его же. Брынскій лѣсъ. Ц. 35 к.—78) Его же. Русскіе въ началѣ XVIII столѣтія. Ц. 35 к.—79) *Козловъ.* Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая. Ц. 7 к.—80) *Фонвизинъ.* Недоросль. Ц. 12 к.—81) *Загоскинъ.* Кузьма Петровичъ Мирошевъ. Ц. 50 к.—82) Его же. Рославлевъ или русскіе въ 12-мъ году. Ц. 50 к.—83) Уроки и примѣры христіанской вѣры, надежды и любви. Протоіерея *Г. Дьяченко.* Ц. 5 р.—84) *Завьяловъ.* Римскія катакомбы. Ц. 80 к.—85) Его же. Гоненіе на христіанъ при Діоклитіанѣ. Ц. 1 р. 30 к.—86) Свящ. *К. Ивановскій.* Преподобный Серафимъ Саровскій. Ц. 45 к.—87) То же, сокр. изд. Ц. 10 к.—88) *Поповъ А.* Сборникъ духовныхъ стихотвореній. Ц. 35 к.—89) Его же. Императоръ Александръ III, ц. 80 к.—90) *Д. И. Троицкій.* Домонгольская Русь, ц. 1 р.—91) Его же. Русь въ монгольскій періодъ, вып. I, ц. 50 к.—92) *Хитровъ, М.* прот. Годъ православнаго христіанина. Ц. 50 к.—93) *Арсеньева, С.* Разсказы изъ русской исторіи. Царствующій домъ Романовыхъ. Вып. I. Ц. 60 к.—94) То же. Вып. II. Ц. 60 к.—95) То же. Вып. III. Ц. 60 к.—96) То же. Вып. IV. Ц. 60 к.—97) То же. Вып. V, ц. 60 к.—98) То же. Вып. VI, Ц. 60 к.—99) То же. Вып. VII, Ц. 60 к.—100) Ея же. Разсказы изъ исторіи западныхъ окраинъ Россіи. Вып. I. Ц. 60 к.—101) То же. Вып. II. Ц. 60 к.—102) То же. Вып. III. Ц. 60 к.—103) То же. Вып. IV. Ц. 60 к.—104) То же. Вып. V. Ц. 60 к.—105) То же. Вып. VI. Ц. 60 к.—106) Свящ. *К. Ивановскій.* О христіанскомъ воспитаніи. Ц. 20 к.—107) *Введенскій, Д.* За счастье дѣтей. (Вопросы христіанскаго воспитанія), Ц. 1 р.—108) Его же. Небесныя звѣздочки, ц. 80 к.—109) *Ельницкій, К.* Привычки, ихъ значеніе в воспитаніе. Ц. 10 к.—110) *Анастасіевъ А.* Религіозно-нравственное воспитаніе въ начальной школѣ. Ц. 30 к.—111) Очеркъ просвѣтительной дѣятельности *Н. И. Ильминскаго.* Ц. 20 к.—112) *Маляревскій I.* Замѣтки о преподаваніи по новой программѣ одноклассной церковно-приходской школы. Ц. 18 к.—113) *Воронова Е.* Школа въ Алуштѣ. Ц. 25 к.—114) *Крестьянполь П.* Руководственныя указанія по черченію. Ц. 30 к.—115) *К. Лукашевичъ.* Кирюша юродивый и Бѣлогрудка, ц. 15 к.—116) Ея же. Бѣднота, ц. 15 к.—117) Старый Памфилычъ, ц. 15 к.—118) Тихонъ Михайловичъ, ц. 20 к.—119) Завѣтное окно, ц. 12 к.—120) Изъ жизни бѣдняковъ, ц. 20 к.—121) *Бахтіаровъ А.* Исторія первой печатной книги, ц. 30 к.—122) Его же. Какъ дѣлаютъ стекло и фарфоръ, ц. 25 к.—123) *Я. И. Рудневъ,* Очерки странъ и народовъ Азіи, вып. I, ц. 40 к.—124) Его же. Вып. II, ц. 70 к.—125) *Виреніусъ.* Куреніе табака, ц. 10 к.—126) Его же. Спиртные напитки, ц. 12 к.—127) *Соловьевъ-Несмѣловъ Н.* Первый день Рождества, ц. 10 к.—128) Его же. Абросимычъ, ц. 10 к.—129) Его же. Скрипачъ, ц. 12 к.—130) Его же. Панкратъ, ц. 10 к.—131) Его же. Савельичъ, ц. 8 к.—132) Его же. Настя, ц. 10 к.—133) Его же. Подъ снѣгомъ и метелицей, ц. 12 к.—134) Его же. Христа ради, ц. 10 к.—135) Его же. Христославы, ц. 8 к.—136) Его же. Въ степи, ц. 10 к.—137) *Поселянинъ.* Святыя дѣти и дѣтскіе годы русскихъ святыхъ, ц. 30 к.—138) *С. Аксаковъ.* Избранныя сочиненія. Аленькой цвѣточекъ, ц. 5 к.—139) Его же. Изъ записокъ ружейнаго охотника, ц. 7 к.—140) Его же. Семейная хроника, ц. 25 к.—141) Его же. Дѣтскіе годы Багрова внука, ц. 40 к.—142) *Прот. I. Восторговъ.* Императоръ Александръ III, ц. 7 к.—143) Его же. Можно ли христіанину быть соціалистомъ? ц. 3 к.—144) Его же. Доброе слово православно-русскому народу по поводу современныхъ событій, ц. 10 к.—145) Карта Палестины, накл., лакированная, ц. 1 р. 30 к., нелакированная, ц. 1 р. 20 к.; то же, карта ненаклеенная 60 и 50 к.;—146) Карта древняго міра, накл., лакирован. ц. 3 р. 20 к., нелакирован., ц. 3 р.—147) *Мятлева Т.* Подводный міръ, ц. 55 к.—148) Ея же. Язычество и христіанство, ц. 25 к.—149) *Андреевская В.* Золотой крестикъ, ц. 20 коп.

2007111995